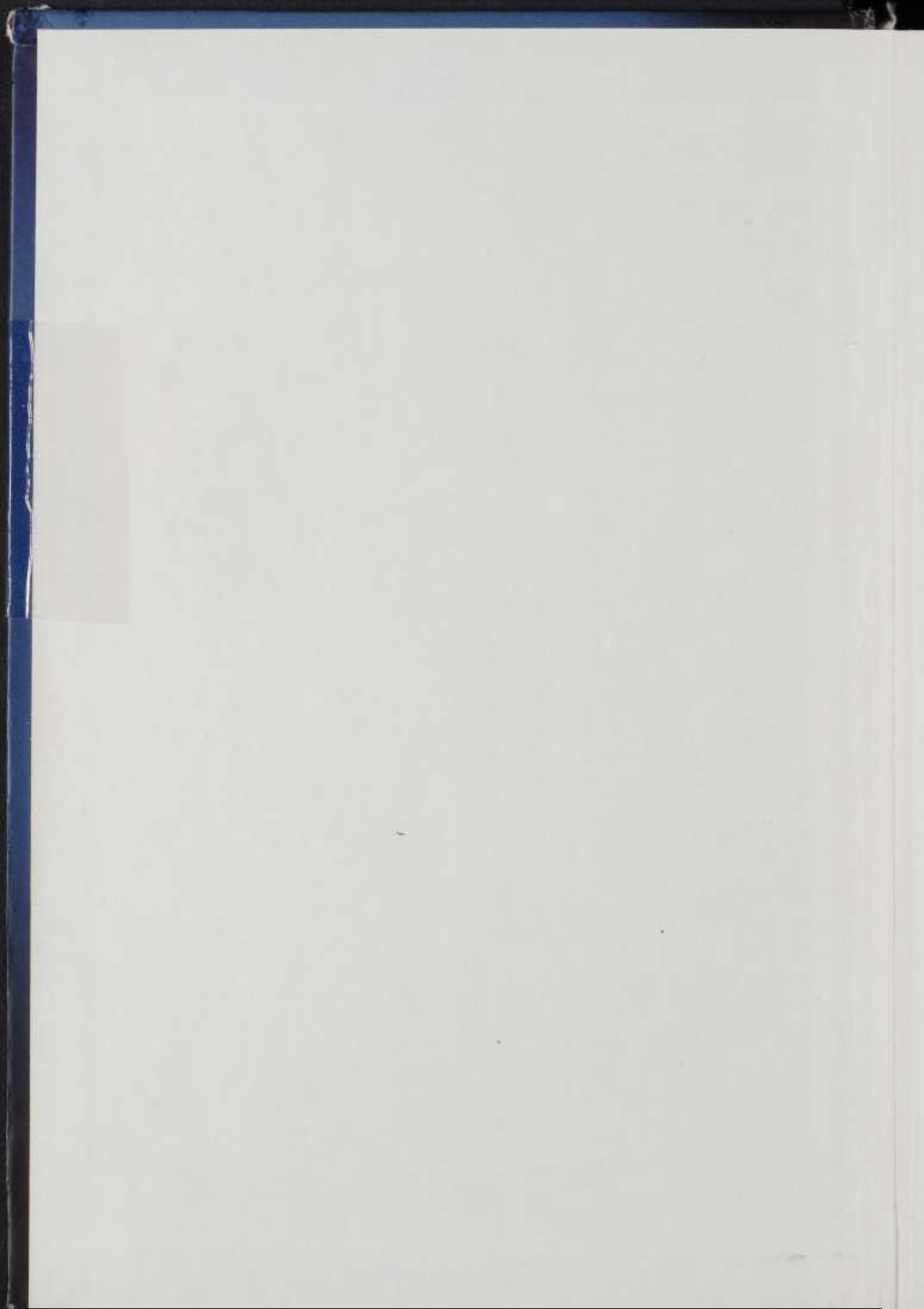

ОЛЕГ ПЕТРОВ

СИБИРИАДА

Лишнее время

СИБИРИАДА

ОЛЕГ ПЕТРОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Лиxое время

Москва
«Вече»

К 84 + 84 / (2 = 411.2) 6 - 44

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)
ПЗ0

1730

ФОНД КРАЕВЕДЕНИЯ

Петров, О.Г.

ПЗ0 Лихое время : роман / Олег Петров. — М.: Вече, 2017. — 640 с. — (Сибиряда. Собрание сочинений).

ISBN 978-5-4444-0818-6

Знак информационной продукции 12+

1921 год. В Чите активно действует крупная банда под предводительством Константина Ленкова. Начальник уголовного розыска Фоменко и его ближайшие помощники Бойцов и Баташѐв прилагают все возможные усилия для ликвидации уголовников. Но у бандитов везде свои глаза и уши — в органах власти, в милиции. Трагически заканчиваются попытки внедрить в банду сотрудников угрозыска. Поставные милиционеры отказываются нести службу на городских улицах ночью. Но после громкого убийства представителя ЦК РКП(б) Петра Анохина и гибели от рук бандитов начальника угрозыска Дмитрия Фоменко к ликвидации банды Константина Ленкова подключаются чекисты — Госполитохра́на Дальневосточной Республики. Разворачивается широкомасштабная оперативная игра по уничтожению банды...

ЭК

— 575228 —
ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ КРАЕВАЯ
БИБЛИОТЕКА им. А.С. Пушкина

АБОНЕМЕНТ

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4444-0818-6

© Петров О.Г., 2017
© ООО «Издательство «Вече», 2017

Часть первая ВЗЛЕТ АТАМАНА

«Начиная с осени 1921 года г. Чита и ее окрестности стали местом целого ряда тяжчайших преступлений. При этом как самый способ совершения этих преступлений и почти одинаковые приемы злоумышленников, так и быстрота, решительность и крайняя жестокость их действий, а равно отсутствие каких-либо следов дали основание предполагать, что преступления эти совершаются лицами, составляющими одну преступную шайку и занимающимися преступной деятельностью как ремеслом. Предположения эти скоро оправдались. После непрерывных, настойчивых наблюдений и поисков уголовному розыску удалось обнаружить преступную шайку с значительным количеством членов, спаянных дисциплиной, за малейшее нарушение которой провинившимся грозила смерть...»

*Из постановления временно
исполняющего должность
Особого следователя Высшего
Кассационного суда ДВР (1922 г.)*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

1

В документальной и художественной литературе, в кинематографе и телесериалах, освещающих перипетии борьбы с уголовщиной после Октябрьского переворота 1917 года, вновь и вновь возникает фигура якобы знаменитого питерского налетчика Леньки Пантелеева. Различные

3

версии его уголовных походов, по сути, сводятся к тому, что это был неуловимый и дерзкий бандит, терроризировавший один из крупнейших городов России.

Но изучение преступных деяний Пантелеева показывает: численность возглавляемой им преступной группы была довольно малочисленной, а разбойная деятельность — непродолжительной. Тем не менее фигура Пантелеева овеяна таким ореолом криминальной «славы», что создается впечатление — после 1917 года крупнее уголовного преступника не было.

Вместе с тем в 1921—1922 годах в Чите, тогда столице Дальневосточной республики, действовало организованное преступное сообщество, в которое входили только более сотни активных членов. Строжайшая конспирация, широкий подкуп, говоря современным языком, сотрудников органов правопорядка, преступный размах и фигура главаря — Константина Ленкова — полностью затмевают деяния и личность его питерского «коллеги». Достаточно сказать, что на скамье подсудимых по делу о шайке Ленкова в 1922 году оказалось разом 74 бандита. Такого процесса над уголовщиной российская Фемида не знает до сегодняшнего дня.

О том, как все это было, как уголовный розыск и органы государственной безопасности Дальневосточной Республики в 1921—1922 годах вели борьбу с ленковцами, рассказывает эта книга.

В ней нет ни одного вымышленного факта, ни одного придуманного персонажа. Все фамилии, описываемые эпизоды и цитируемые документы, — подлинны. Книга основана на ранее неисследованных документальных источниках, хранящихся в Государственном архиве Забайкальского края. Орфография и пунктуация документов сохранены.

2

Исторический фон, на котором разворачивается действие романа, заслуживает некоторой характеристики.

В течение мая 1918 года во Владивостоке сконцентрировалось около 16 тысяч чехословаков — часть чехословацкого корпуса, которому по решению советского правительства был разрешен выезд по Транссибу на Дальний Восток для дальнейшего следования на родину. Но, как известно, в целях борьбы с большевиками корпус белочехов, как его называли, был активно использован для свержения новой власти в Приморье и обеспечения развертывания вооруженного Белого движения и иностранной военной интервенции: 29 июня 1918 года белочехи при поддержке так называемых «союзных десантов» свергли во Владивостоке советскую власть. Ранее, 18 июня, японские войска захватили Благовещенск, а 5 сентября белогвардейские силы вошли в Хабаровск. К этому времени на Дальнем Востоке насчитывалось только 73 тысячи

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

японских штыков, не считая американского экспедиционного корпуса генерала Гревса.

Особо следует заметить, что к началу мятежа белочехов составами с ними были забиты практически все станции и разъезды Транссибирской магистрали от Омска до Владивостока. Пожар Гражданской войны и иностранной военной интервенции вспыхнул в Сибири практически повсеместно и достаточно организовано. В начале июля красным пришлось оставить Иркутск, 26 августа — Читу. Два года шла кровавая борьба, в результате которой белогвардейские силы и интервенты были вытеснены из Прибайкалья, Забайкалья и Восточного Приамурья.

Но у партизанских сил возможностей для полного освобождения Дальнего Востока, конечно, не было. От Советской России достаточной вооруженной помощи пока тоже ждать не приходилась: Гражданская война в центральной части, на западе, севере, юге РСФСР претерпевала самую драматическую фазу. Стояла задача, каким-то образом не только отдалить войну Советской России с Японией, но и, если это окажется возможным, обойтись без нее.

Решение этой задачи было найдено: создание «буфера» — нейтрального государственного образования. После длительных переговоров большевиков с различными политическими силами, 6 апреля 1920 года в Верхнеудинске (с 1934 г. — Улан-Удэ) была принята Декларация об образовании независимой демократической Дальневосточной республики (ДВР) и создании ее Временного правительства, а 28 октября 1920 года в Чите состоялась конференция представителей правительств освобожденных от белых и интервентов территорий — Приморской, Амурской, Сахалинской, Восточно-Забайкальской, Камчатской областей. Была провозглашена «демократическая республика с сохранением института частной собственности, проводящая политику добрососедского сотрудничества с окружающими республику государствами». Советизация ДВР на данном этапе была признана недопустимой. Конференция 10 ноября избрала центральное правительство ДВР во главе с П.М. Никифоровым.

В январе 1921 года прошли выборы в Учредительное собрание ДВР. Социалистический левый блок из 382 мест получил 275 и явился решающей силой Учредительного собрания, принявшего Конституцию ДВР и декларировавшего суверенитет, независимость и самостоятельность нового государства, переход к ДВР договорных прав царской России на Китайской Восточной железной дороге, гарантию политических прав всем гражданам, отмену смертной казни и телесных наказаний. Была объявлена амнистия всем политзаключенным, принято обращение к иностранным государствам, призывающее их развивать с ДВР экономические отношения, инвестировать капиталы в промышленность республики. Столицей ДВР была объявлена Чита.

ОЛЕГ ПЕТРОВ

Из Москвы в Читу для укрепления «буфера» были направлены П.Ф. Анохин (с правами секретаря ЦК партии большевиков) и В.К. Блюхер — для реорганизации вооруженных сил республики — Народно-революционной армии (НРА). 27 июня 1921 года Блюхера назначают главкомом НРА и военным министром ДВР. Укрепление военной мощи ДВР являлось решающим условием всей дальнейшей жизнедеятельности республики, для которой первейшей задачей оставалось сохранение зыбкого мира с Японией, продолжение борьбы с белогвардейщиной, которую не устраивали дэвээровские порядки. В Приморье сосредоточилось более 18 тыс. каппелевцев, активизировавшихся после переворота во Владивостоке 27 мая 1921 года и образования там, в пику ДВР, монархистско ориентированного правительства братьев Меркуловых, опиравшегося на японские и белогвардейские штыки. Одновременно на Западное Забайкалье наступали дивизии барона Унгерна численностью около 13 тыс. сабель.

Между тем крайне тяжелая социально-политическая обстановка, сложившаяся в тот период в Забайкалье, породила волну уголовной преступности. Подняли голову не только старые уголовные «кадры», но и их новое «пополнение» — неудовлетворенная результатами борьбы за народную власть и установленными в ДВР буржуазными порядками довольно многочисленная прослойка бывших красных партизан, ожидавших с победой для себя льгот, привилегий и благ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

— Длюга, длюга!

Закемарившего после обеда под густой черемухой мужика тормошили два тощих, почерневших от щедрого забайкальского солнца китайца.

— Чево вам, узкоглазые? — Мужик сладко зевнул, недовольно кряхтя, сел, вмиг превратившись в рослую и плечистую глыбу, утер рукавом испарину на щеках и шее. Тяжелым взглядом, из-под роскошного русого чуба, окинул суетящуюся подле него парочку «ходей». — Никакого от вас покою! Чево растрывались, саранча?

— Длюга! Станция давай? Давай, длюга!

Внушительной лопатой-ладонью мужик припечатал крупного серого паука, впившегося в обнажившуюся голень, одернул книзу задравшуюся гачу ветхих бумазейных штанов.

— К паровику, што ли, в Куку отвезть?

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

— Кука, Кука! Да, да! Длюга! Станция! Станция Кука, Кука! — обрадованно закивали китайцы.

— А деньги, деньги у вас есть, отродье хунхузское? — Мужик красноречиво пошевелил-потер большим и указательным пальцами.

— Денега? — переспросил один из китайцев.

— Ага! Она самая. Денега, денега!

— Денега еся, еся! — закивал один из китайцев, улыбаясь щербатым ртом. — Станция, длюга, Кука, Кука!

— «Длюга»! — передразнил китайца мужик. — Обезьян тебе «длюга», мартышка плюгавая! Щас как! — Он лениво замахнулся.

Китайцы отступили на пару шагов, поскучнели, но прилипчиво топтались на солнцепеке, не уходили.

Мужик окинул ленивым взором крепко утоптаный пяточок у крыльца местной харчовки. Через настежь распахнутые двери просматривалось ее пустое нутро, только смурная некрасивая девка зло терла тряпкой тяжелую лавку возле такого же, крепко сбитого из сосновых плах длинного стола.

По кривой улочке, к серым от ветхости домам-развалюхам поодаль, плелась сонная от полуденного зноя собака, огорченная и разочарованная тем обстоятельством, что подле харчовки поживиться на этот раз не сложилось.

Мужик медленно повернул голову в противоположную сторону, но и в более зажиточной части Оленгуйского поселения никакого шевеления не наблюдалось. Жара всех загнала в тень. Желаящими ехать на станцию, к вечернему паровику до Читы, не пахло. Дорога неблизкая, потому, ежели, окромя китайцев с узлами, никто у харчовки в текущий момент не маячит, стало быть, извозного фарта нынче не предвидится...

— Длюга! Денега еся, — снова приблизился один из китайцев, тряся в вытянутой руке пачкой мятых ассигнаций. Толщина пачки обнадеживала. По крайней мере овес, считай, окупится.

Мужик тяжело вздохнул. Выбор был невелик. Либо гнать пустую подводу до дому, либо заночевать в Оленгуйском до утренних ездовых. Заночевать, конечно, можно здесь и задаром. И даже с прибытком! Лошади травки похрупают, а их хозяин к ядреной Ульянке под бочок подкатится. Еще и самогону нальет, шалава!..

Мысли ворочались в башке сонно и лениво — жара действовала и на них.

Возница посмотрел на застывшего в полупоклоне китайца, медленно и тягуче сплюнул ему под ноги и так же нехотя поднялся с расстеленного в черемуховой тени куска войлока.

Оба китайца оживились, заулыбались заискивающе.

ОЛЕГ ПЕТРОВ

— А чем, ходя, тут промышляли-то? — спросил больше по привычке, чем для интересу.

Оба китайца внимательно уставились на него, явно вопроса не поняв.

— Ну, вы — мартышки! — засмеялся мужик. Смена настроения заметно омолодила лицо, а то со стороны глянь — на сороковник потянет. Ан нет, годков тридцать всего-то, пожалуй. И не мужик вовсе, а еще парниша удалой!

— Мартышки вы, мартыны! — На упругих щеках чуть продолговатого лица слегка обозначились ямочки. — На рассейской земле мышкуете, а говору не обучились! Че таки дурни-то? Вона я к вам кады хаживал, так лопотанье ваше вмиг освоил.

Парень повторил свой вопрос по-китайски. Удивление «ходей» его расшемило еще больше. Он снисходительно вслушался в ответное лопотание, лениво подцепил с травы кошму, аккуратно скатал и положил в телегу.

— Хрен с вами, хунхузы! — Повернулся к китайцу, держащему деньги, цапнул из тощей горсти пачку и сунул ее себе за пазуху. — Щас лошадак запрягу — и покатым, «длюги» мои узкоглазые! Ага! Станция, станция! Кука! Пых-пых-пых! Ту-ту-ту-у!..

Китайцы в дороге переживали. Опоздать на паровик боялись. Опаска — понятно почему: лошади телегу вяло катят — жара, слепни да пауты достают. Но дорога бежит под поскрипывающие колеса, исчезает позади за кустами и могучими соснами, вьется то одним распадком, то другим.

А китайцы опять о своей тревоге на паровик не успеть лопочут. И опять приходится успокаивать неугомонных пассажиров — успеем на станцию, не впервой. Елозят, дышло им под ребра! От народец! А поди ж, тоже не все одинаковы. Возница усмехается. Это, кады он во первые разы в «маньчжурку» шастал, то вкругорядь ихние желтые хари одинаковы казались. А потом — не-ет, разные! — различать начал. Оне-то, поди, тож, не сразу русскую морду одну от другой отличают.

— Привал, ходи, перекур! Лошадкам отдохнуть требуется! — Мужик спрыгнул с телеги, ласково похлопал пару гнедых по шелковистым щекам. — Взопрели, сердешные, обезьянов возить? Ничо-о...

Достал из кармана кисет, принялся сворачивать внушительную самокрутку. Один из китайцев вынул из кармана крашенной в черное чесучовой поддевки коробку папирос, протянул, угощая.

— Богато живете, ходи! — удивился возница.

Папиросу взял, понюхал, заложил за ухо, продолжил сворачивать «козью ножку». Китаец с папиросами, мелко кивая головой, протянул парню всю коробочку, достал спичечный коробок, чиркнул и поднес яркую фосфорную спичку.

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

— Ну, вы, прям, совсем баре! — хмыкнул парниша и внимательно оглядел своих пассажиров. — Значит, на прииске, лопочите, поработали? Фартово, видать, золотишко помыли...

Последнее — больше себе под нос пробубнил.

Он долго дымил самокруткой, пристально разглядывая китайцев. Под тяжелым взглядом они занервничали, засуетились, вновь принялись, старательно и заискивающе улыбаясь и мешая родные и русские коверканые слова, уговаривать возницу поторопиться.

— Щас, щас, чево раскудахтались! — широко, обезоруживающе улыбнулся парниша, неторопливо обошел, поправляя постромки, лошадей, вернулся к передку телеги, тронул пятерней сыромятные вожжи.

А потом, быстро выхватив из-под своего, оборудованного в передке телеги сиденья — доски, обмотанной тряпьем, — острый плотницкий топор, с кхеканьем, почти без размаха, ударил сверкнувшим лезвием ближнего из китайцев по темени, разваливая череп!

Рванул молча топор назад, тут же бросая гибкое, сильное тело ко второму, остолбеневшему от увиденного, полоснул мощным ударом по тонкой, с набухшими коричневыми жилами шее! И сразу же отдернул руку, чтобы на засаленный рукав рубахи не попала брызнувшая фонтанчиком алая кровь.

— От так от, макаки! И неча тут лопотать не по-нашенски! — выкрикнул, тяжело дыша.

Аккуратно положил топор на землю, вынул из-за уха дареную папиросу, повернулся к первому из убитых и, не отводя взгляда от страшной раны с пузырящимися кровью мозговыми ошметками, уверенно сунул руку в карман чесучовой поддевки китайца. Достал коробок со спичками, чуть подрагивающими пальцами чиркнул фосфоркой по штанам, прикурил, глубоко затягиваясь. Прислушался.

За кустами чирликала невидимая пернатая мелюзга, где-то далеко дробил дятел, а когда он замолкал, откуда-то — еще дальше в лесной глубине — подавала голос кукушка.

— Давай, давай, беспутая, не останавливайся, — криво усмехнулся мужик, — набирай мне годки. Я жить собираюсь долго...

Он докурил папиросу до начавшего тлеть мундштука, сплюнул и вдавил окурок каблуком в песок дорожной колеи. Потом, глубоко вздохнув, тщательно вывернул карманы жертв, не побрезговал пошарить за пазухами у китайцев, перебрасывая все находки в телегу, и только после этого схватил одного из убитых за ноги и шумно, треща валежиной, потащил в густые багуловые кусты. Отмахиваясь от потревоженной мошкары, вернулся за вторым трупом, отволоч его туда же.

Безжалостно наломав с пары растущих у дороги молодых сосенок охапку пышных, больших лап, в ярко-зеленой густой бахrome мягких

ОЛЕГ ПЕТРОВ

игл, отправился с ними обратно к кустам, завалил тела хвоей. Отошел на пару шагов, придирчиво оглядывая, выругался, скривившись, и повторил процедуру с сосновыми ветками. Вот теперь китаезы вполне сносно укрыты.

Мужик вернулся к телеге, перебрал извлеченное из карманов убитых, негромко матерясь, принялся распутывать поклажу своих недавних пассажиров — аккуратные узлы из тонких суконных одеял. Тщательно, оценивая изучая и прощупывая каждую тряпку — рубаху или портянки, штаны, душегрейки, — перебрал содержимое узлов.

Наконец, обнаружилось главное, что растянуло красиво очерченные, чувственные губы в довольной ухмылке: неказистый плотный холщовый мешочек, увесистость которого при довольно скромных размерах была не просто приятной — радовала!

Мужик оглянулся по сторонам, замер на мгновение, внимательно слушая тишину, потом старательно заховал мешочек в солому на передке телеги. Столкнул китайское шмутье обратно в связанные узлом одеяла, по-хозяйски пристроил поклажу под солому сзади.

Уже привычно вынув из кармана штанов папиросную коробку, снова закурил. Попыхивая зажатой в углу рта папиросой и что-то мурлыкая себе под нос, поднял с травы топор, оглядел его, и, довольно кивнув, вернул в телегу на прежнее место.

— Ну че, милыя, застоялись?! — весело прикрикнул возчик на напряженно застывших лошадей — Да не коси ты глазом, не фыркай! Невры побереги! — И уже захохотал в полный голос. Уморили, гнедые, до коликов: коняга, она, конечно, животиная скотская, но, умная, понимает, что он с узкоглазыми-то сотворил. Ниче, переживут гнедки, переживут.

— А ежели вы, черти старые, больно нервные и пугливые — отдам на городску мыловарню! Н-но! Поехали, зверюги, домой, порадуем молодуху да малого гостинцами от обезьянов!.. Давай-давай, савраски, почитай, еще червонец верст нам с вами по жаре телепать! Да-а-вай! — уже во все горло орал парниша, покидая страшное место...

2

В этот ветреный мартовский полдень министр внутренних дел Дальневосточной республики Александр Александрович Знаменский вернулся к себе в кабинет явно не в духе.

И было от чего: заседание правительства закончилось не в его пользу. На шею вешали «железку» — железнодорожную милицию, до сей поры обособленно действовавшую при Минтрансе ДВР. Передача «железки» в МВД означала одно: теперь это целиком и полностью его, Знаменского, хлопоты — обеспечивать новый придаток пайками и обмундированием, оружием и иным довольствием. Подобной головной боли министру хва-

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

тало и по территориальной милиции. Но какова была физия у дородного министра транспорта — удовольствие, подлец, скрыть не мог! От такого ярма освободился!

Знаменский в сердцах швырнул черной кожи портфель на стол, достал из кармана огромный носовой платок, вытер вспотевший лоб, потянулся было к графину с водой, но тут затренькал высокий черный телефон.

Министр с недовольным видом снял сверкающую начищенными латунными частями эбонитовую трубку, поднес ко рту загнутый раструб.

— Знаменский у провода, слушаю. А-а, весь внимания! Все злорадствуешь?! Да я слышу по голосу... Нет? Когда бы я тебя, дорогой, не знал! Сбагрил мне свое войско, а теперь еще и с просьбами! Занятно... Что? Так... Так... Ха-ха-ха!.. Луч света в темном царстве! Что? Да нет, это я так... И, что ты думаешь, буду возражать? А вот и не буду! Не понял? Да забери ты его! Пожалуйста! Рады, так сказать, стараться-с! Самым немедленным образом, безотлагательно, сиюминутно издам приказ и проведу, как откомандированного для выполнения задания особой важности... Ха-ха-ха! Причитается с тебя, дорогой! Что? Согласен! Ну, до встречи!..

Хлопнул трубкой об аппарат, довольно постучал пухлыми пальчиками по зеленому сукну обширной столешницы, уставленной всевозможными канцелярскими прибабасами, толкнул уточкой закачавшееся пресс-папье.

Звонил министр транспорта. Легок на помине! Просил оставить у него Проминского. Желает его определить особым уполномоченным на станцию Маньчжурия. Торговля и перевозки растут, масса проблем, посему, дескать, надо бы этот участок укрепить. И, мол, с Проминским переговорил, тот не против. Ха, да ради бога! Одной головной болью меньше! Этому большевичку вечно все не так, да не эдак... Ох, и попортил он ему, Знаменскому, крови!.. Больно умный! Вот и пусть там, с китайцами, умничает!

«Кровь портил» министру Знаменскому уполномоченный ЦК РКП(б) по организации милиции в ДВР Леонид Иванович Проминский, сразу же после освобождения Читы от семеновщины прибывший сюда и активно взявшийся за дело.

Дилетантом в милицейских вопросах Проминского не назовешь: ранее руководил милицией в Иркутске и Владивостоке. Но Знаменский увидел в нем соперника. Дышит, большевистская бестия, в затылок! Удалось провернуть незамысловатую, но удачную комбинацию: под благовидным предлогом перевести господина-товарища Проминского в другое министерство — транспорта. Дескать, для создания и укрепления железнодорожной милиции, тогда подчинявшейся Минтрансу.

«Гьфу ты! Так удачно тогда спровадил, а с этой передачей мне чертовой “железки”, чуть было назад не заполучил», — облегченно подумал Знаменский после звонка коллеги из транспортного ведомства.

ОЛЕГ ПЕТРОВ

Нажал кнопку медного звонка, вызывая из приемной секретаршу.
— Вероника Иннокентьевна, попрошу вас, голубушка, подготовьте приказ по министерству...

А вечером обмыли это дело с коллегой из Минтранса в шикарном «Даурском подворье». Шустовским коньячком из старых запасов хитрого ресторатора...

Назначенный правительственным приказом в ноябре 1920 года на свою высокую должность Александр Александрович Знаменский являл собою типичный образец кабинетного чиновника.

Вступив в семнадцатом году в партию эсеров, он волей-неволей оказался втянутым в борьбу с белогвардейцами и интервентами. Поначалу участвовал в организации подполья в Благовещенске, затем постепенно вышел на одну из первых ролей в штабе партизанских сил Приамурья.

В период разгрома партизанского движения скрывался в одиночку, потом, вовремя сориентировавшись, примкнул к возрожденной повстанческой армии. Уровень образованности, старые связи помогли ему вновь занять руководящее положение, создать себе авторитет народного вожака.

Взлет до министра для него, выходца из чиновничьей, средней руки, семьи, был своего рода осуществлением жизненной мечты. До такой высоты в роду Знаменских никто не подымался, и это кружило голову.

Впрочем, в силу своей, довольно авантюрной натуры, Александр Александрович всегда тяготел к шапкозакидательству, умел красиво и эффектно доложить об успехах, ненавязчиво напомнить о своих былых партизанских заслугах и «революционном стаже». А посему — был на слуху и на виду. Что, собственно, при дележе правительственных портфелей в только что учрежденной республике свою роль и сыграло.

От собственной значимости Знаменского распирало до такой степени, что он искренне полагал: каких-либо проблем для него на высоком посту не существует. «Куда как грозные вражьи силы одолели, — любил говаривать министр, — и с уголовщиной покончим в два счета!»

Понятно, что в окончательной победе над уголовным миром никто и не сомневался. Другое дело, что не помешала бы более трезвая оценка обстановки, как и детальная выработка тактики борьбы с преступностью. Простейший анализ ситуации свидетельствовал о том, что новый враг силен и коварен, быстрой победы ожидать, увы, не приходится.

Но занятого самолюбованием министра всякие там анализы и оценки интересовали менее всего. Он любил сидеть с важным видом на заседаниях и совещаниях, изрекая обтекаемые фразы о важности борьбы с преступностью, высыпал на подчиненных ворох по сути пустых указаний по мелким вопросам реформирования милиции. Больше увлекался

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

разработкой форм отчетности с мест, одновременно окружая себя ореолом крайней государственной загруженности, невероятной занятости и чиновничества.

Попасть на прием к министру и, тем более, быстро решить какой-либо вопрос по существу, было делом невероятным. А если чей-то рапорт или прошение оказывались-таки на министерском столе, — неспешно препровождались Знаменским в канцелярию с ничего не значащей резолюцией или переадресовывались начальнику Главного управления милиции Колесниченко. Последнее для рапортующего или просителя было удачей.

3

Николай Иванович Колесниченко представлял прямую противоположность равнодушному и вальяжному чинуше Знаменскому. Юрист по образованию, закончивший Томский университет, Колесниченко в 1917—1918 годах возглавлял военно-милицейские части народной охраны во Владивостоке, ранее, с марта до осени семнадцатого, ревкомом безопасности Томской губернии избирался начальником милиции Томска. В Читу приехал из заграницы, после длительной секретной командировки. Что это была за поездка, куда, в Чите об этом не ведали. По документам же, Колесниченко прибыл из Владивостока с должности краевого Правительственного инспектора Народной милиции.

Невысокий, крепкого телосложения, с чуть прищуренными умными серыми глазами на интеллигентном лице и густой шапкой волнистых темных волос, всегда аккуратно одетый — как правило, в гимнастерку, туго перепоясанную широким кожаным ремнем, — Николай Иванович по складу ума являлся прирожденным штабистом, обладал незаурядными организаторскими способностями, поразительным умением четко отслеживать складывающуюся обстановку. С первых дней своего вступления в должность довольно активно взялся поставить всю деятельность милиции на законную основу, регламентировать ее работу, права и обязанности.

Колесниченко первым заговорил о необходимости выработки закона о милиции ДВР, инструкций милицейской службы. Немедленно обязал начальников областной и городской милиции ежедневно являться к нему с утренними докладами обо всем происшедшем за истекшие сутки в области и столице ДВР, потребовал ежемесячных письменных рапорт-отчетов. В первую очередь о выполнении инструкций и руководящих указаний, составление которых было у Колесниченко явной слабинкой, но в отличие от Знаменского указаний не пустопорожних, а наполненных самыми насущными для милиционеров проблемами и предложениями по существу, без «воды».

Вот и сейчас Николай Иванович с карандашом в руках изучал очередной рапорт начальника Читинской городской милиции Сержанта:

«Доношу: 1. Инструкция по делопроизводству мною преподана всем нач. участков. 2. Инструкций и уставов старой полицейской службы нет. Дополнительно доношу о срочных и неотложных нуждах гормилиции, как-то: а) совершенно не выдавалось обмундирование с момента организации милиции; б) не получено продовольственного пайка как на сотрудников так и на их семейства за январь и далее, а выдававшееся ранее не приходилось по установленной норме; в) для более продуктивной работы по борьбе с уголовной преступностью необходимо вести регистрацию преступников с применением дактилоскопии и фотографирования, увеличить штат уголовного розыска. Средства на данные мероприятия и другие неотложные нужды уголовного розыска не отпускаются, что тормозит успешному делу борьбы с уголовной преступностью».

Пункт «в» убедил внести в рапорт помощник начальника городского отделения уголовного розыска Сметанин, напомнив Сержанту и начугро Гадаскину про полезность имевшегося ранее в милиции уголовно-разведочного бюро.

Написал в своем рапорте начальник городской милиции и о необходимости откомандирования в распоряжение начгормилиции до двухсот бойцов-народоармейцев, для укрепления милицейских рядов.

Колесниченко руками и ногами был за все эти предложения. Читал рапорт Сержанта и скрипел зубами от досады: мало чем мог помочь практически.

Определенные надежды он возлагал на возможности Народно-революционной армии ДВР. Еще месяц назад, на свой страх и риск, через голову Знаменского, обратился к военному министру. Блюхер обещал посодействовать с пополнением милиции демобилизуемыми народоармейцами и в снабжении оружием. Вот только, как скоро это произойдет? Ведь и армия не роскошествует, да и дела на западном и восточном направлениях пока не радуют. Хорошо, что Блюхер прекрасно понимает, что разгул уголовщины в тылу войск — бомба замедленного действия, которая может рвануть в самый неподходящий момент.

Николай Иванович поднялся из-за стола, подошел к окну. В густеющих сумерках одиночные прохожие ускоряли шаг.

Да, фланировать после шести вечера даже по центральным читинским улицам мог отважиться далеко не каждый, тем более в одиночку. Читинский обыватель стремился к этому времени оказаться дома, за крепкими дверными запорами и зашкворенными оконными ставнями.

Став столицей обширной Дальневосточной республики, Чита захлебывалась в волне краж, грабежей и убийств. В новоиспеченном стольном граде собралось множество самого разнообразного преступного сброда: карманники и домушники, медвежатники и карточные шулеры, конокрады и мошенники.

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

Впрочем, явного деления на уголовные «профессии» не существовало. Как удавалось, так и грабили. А самый простой способ избавиться от нежелательных свидетелей — убить! За годы Гражданской войны и еще продолжающейся на Дальнем Востоке интервенции человеческая жизнь обесценилась до копеечного уровня.

Для достижения своих целей преступники не останавливались ни перед чем. Ежедневно в их ряды вливались обнищавшие крестьяне и горожане, довольно многочисленной становилась в бандитской среде прослойка бывших партизан, явно недовольных установившимися в ДВР государственными порядками.

«Ишь ты, как повернуло-то, — гудели они промеж собой, — кады япошек с белочехами и семеновщиной рубили в капусту, нужда в нас была великая, а теперя?! Накося-выкуси! Выходит, воевали за здорово живешь? Да кабы и в самом деле по-здоровому бы зажили... Куды с добром! Шрапнельных яблочек, свинцовова гороху наелися досыта, а что до настоящих яблочек и пирогов, так уселися кушать другие, побойчей! Мы кровь-пот проливали, а толстопузые мошну набивали! Теперя потрясли деньгой и ан — на коне! Апельцины с шоколадой в ресторациях трескают, мать их!..»

Бравые орлы минувших битв наивно полагали, что немедленно после отгремевших залпов начнется раздача наград и благ. И при этом никто не будет обделен. По боевым заслугам и вкладу в партизанскую борьбу каждому и воздастся.

В это искренне верили не только темные крестьянские души, чье участие в боях, как нередко бывало, ограничивалось обороной собственной деревни. Убеждена была в этом и часть партизанских вожаков, теперь претендовавших на высокие государственные посты в министерствах и ведомствах ДВР. Понимание, что методика сабельных рейдов и атак малоприменима в налаживании мирной жизни и общественном обустройстве, а иного опыта участия в государственных делах они не имеют, — такое понимание в сознание лихих партизанских рубак, особенно командиров, входило плохо.

Зато другое лежало на поверхности: опять отовсюду повылазили лоснящиеся буржуйские морды, засели за дорогушие прилавки, за зеленого сукна двухтумбовые столы в присутственных местах, на автомобилях раскатывают, в ресторанах деньги пачками просаживают. И это все при том, что простой люд, как жрал лебеду, как получал хлеб из отрубей на скудные продпайки, так и остался при оном «казенном антиресе».

И не праведное ли в таком случае дело — растрясти буржуйские запасы, куркульскую мошну и отдать народу все, что у него снова обманом выманили?.. Лихая партизанская вольница за несколько огненных лет

напрочь отучила многих от былых мирных занятий, отвлекла от земли. Кое-кто и желания-то на возврат не испытывал! Оставались в армии, занимаясь привычным военным ремеслом, в других военизированных структурах. Но — это те, кто принял новую власть или хотя бы увидел в службе этой власти честный способ мирного существования.

Другим, которых было немало, обладание оружием кружило голову. Дернуть винтовочный затвор и махом решить возникшую перед хозяином винтовки проблему — нравилось и устраивало. Простотой решения. А еще — тем, что не надо себя загонять в какие-либо рамки подчинения, дисциплины. Хотелось прежней партизанской вольницы, а гладкое винтовочное ложе или рубчатая рукоятка револьвера в ладони так о ней, забубенной вольнице, напоминали!

Потому, когда ожидание манны небесной от новых властей прошло, не столь уж мало народу взялось промышлять разбоем на дорогах и улицах, благо вооружения хоть отбавляй, а средства для житья-бытия добываются наверняка. В общем, и сыт, и пьян, и нос в табаке, ежели не из робких да при «винторезе» или «нагане», на худой конец, шашка или бомба тоже сойдут...

Оружия в свободном владении и действительно было хоть пруд пруди. Колесниченко как раз и готовил проект недавнего распоряжения правительства ДВР о сдаче всего незаконно находившегося на руках населения вооружения. Приносили. А кто-то просто выбрасывал на улицу. Вот уж на что сознательный и революционный люд — железнодорожная рабочая косточка! — проживает на Дальнем вокзале, а только за две недели после публикации в читинских газетах правительственного распоряжения в этом районе города милиционеры изыяли и подобрали на улицах (!) около 900 стволов разных калибров и систем.

Но Николай Иванович знал: значительная часть «наганов» и трехлинеек, «маузеров» и «берданок», «браунингов» и «арисак» осела у преступного сброда. И пускались стволы урками в дело без малейшей задержки.

Знал Колесниченко и другое. У только что родившейся Дэвээрии какой-либо значимой силы, могущей противостоять бандитскому разгулу, фактически-то пока и нет.

Поначалу, по инерции, общественный порядок пытались охранять остатки семеновской милиции, вернее, тех городских и сельских милицейских сил, что остались после бегства атамана.

В верхах, к счастью, это сразу оценили по-государственному: осенью 1920 года, буквально через несколько дней после освобождения Читы от интервентов и белогвардейцев, по предложению управляющего внутренними делами ДВР Герасима Аршинского, Облнарвоенком —

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

тогдашний орган высшей власти — образовал Забайкальское областное управление милиции с возложением обязанностей его начальника на известного партизанского вожака Василия Михайловича Сокол-Номоконова.

4

— Что же вы, товарищи дорогие, делаете! — обескураженно, но с плохо скрываемым удовольствием от оказанной чести, взялся было возражать на заседании областного ревкома прославленный партизанский командир. — Дело-то во многом незнакомое. Я уж и забыл когда, да и кем — простым милиционером — был! А тут — каков размах! Целая область, товарищи! Человек со знаниями соответствующими, с обучением нужен. А моего опыта...

— А японцев и семеновские морды бить, где обучался?! — выкрикнул весело кто-то от стола президиума. Все одобрительно зашумели и голосовали единогласно, потому как биографию Сокол-Номоконова знали.

Участник революционных событий 1905 года, которые для него закончились заключением в Нерчинскую тюрьму. Потом, с весны семнадцатого, член Успенского волостного комитета общественной безопасности в селе Ключевском, Василий Сокол-Номоконов, с наступлением советской власти, как наиболее грамотный, закончивший двухклассное училище, был выдвинут на милицейскую работу — на станцию Куэнга, обслуживал по железной дороге плечо Приисковая — Куэнга до конца августа восемнадцатого. После падения советской власти ушел в тайгу в составе первого в Забайкалье партизанского отряда под командованием Ивана Кузьмича Бурдинского.

Отряд просуществовал недолго, был разгромлен. Чудом остался жив Василий Михайлович. Но когда снова начали собираться партизанские силы, — он в первых рядах: в августе девятнадцатого уже командует Зиловским особым крестьянским летучим партизанским отрядом, ошутимо «щиплет интервента», объединяет вокруг своего отряда разрозненные партизанские силы, становится крупным вожаком: в апреле двадцатого в составе специальной делегации ведет переговоры с японским командованием на станции Гонгота, а с лета возглавляет все повстанческие силы в районе Сретенска, Нерчинска и Новотроицка. В октябре превращается в кадрового военного: назначается командиром 5-й стрелковой бригады Народно-революционной армии.

Но ненадолго. Облнарвоенкому виднее — вот и назначили на главную милицейскую должность в области. На тот момент, 23 ноября 1920 года, Сокол-Номоконов всю милицию ДВР представлял в единственном числе. А задачу решить надо неимоверно сложную: в кратчайшие сроки разобраться, что собой представляют остатки созданной при семеновцах

ОЛЕГ ПЕТРОВ

милиции, провести чистку и — самое главное — набрать свежие, революционного духа кадры для борьбы с преступностью.

Уже через месяц стала вырисовываться структура новой милиции. Помимо Забайкальского создавалось еще четыре областных управления милиции: Прибайкальское, Приамурское, Амурское и Приморское. Организующим органом милиции Дальневосточной республики стало учрежденное Главное управление милиции.

Областные управления делились на уездные отделы (за исключением Забайкальского, в которое входили пять уездных управлений), а те, в свою очередь, — на участки во главе с участковым начальником милиции, которому подчинялись в каждой волости надзиратели милиции или волостные милиционеры. Вместе с тем при каждом участке создавалась пешая команда в количестве 25 младших и двух старших милиционеров. К тому же при уездных отделах числилось по старшему и младшему агенту УР — уголовного розыска.

Читинская городская милиция выглядела посolidнее. С учетом того, что Чита — город столичный, особый статус получила и милиция: выведена из подчинения начальнику Забайкальской областной милиции, напрямую подчинена Главупру. При Читинской гормилиции образовали отделение уголовного розыска, адресный стол, канцелярию начальника милиции. Сформировали и отряд конной милиции, для более спешного реагирования на разбойные вылазки. А читинское городское отделение угрозыска — вообще отдельное, самостоятельное подразделение в системе правоохранительных органов Республики. Свободные сыскари!

Самостоятельно действовали железнодорожная и водная милиции. Первая свои функции в полосе отчуждения железной дороги выполняла постоянно, а водную разворачивали за две недели до начала навигации, и действовала она на водоемах еще три недели после вставания рек. На зимнее время в водной милиции решили минимальным штатом обходиться — по потребности охраны мест зимних стоянок судов. И так — до весны, до ледохода.

Структура — это хорошо. Но где людей брать толковых? А милицейские штаты предполагались немалые: в поселениях до 8 тысяч жителей — один милиционер на каждые 400 человек населения, если в населенном пункте жителей было больше, но не свыше 80 тысяч, то «к исчисленному составу» добавлялось еще по одному милиционеру на каждые 500 человек, а в городе с населением более 80 тысяч — один дополнительный страж порядка на каждые 600 горожан. И зачесал тут затылок новоиспеченный милицейский начальник Сокол-Номоконов. Но на то и носил он гордую приставку к фамилии, свое славное партизанское прозвище — Сокол! — чтобы ни в какой ситуации духом не падать, да еще и других бодрить.

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

«Ввиду организации по области милиции срочно требуются знающие дело агенты милиции на должности как-то: начальников участков, их помощников и волостных милиционеров. Желаящие поступить на означенные должности должны подать прошение, заверенное местным облнарревкомом, свидетельствующее о их безусловной честности и политических убеждениях. Порядок подачи прошений следующий: в г. Чите начальнику Вост. Заб. Обл. милиции, в уездах начальникам уездных милиций и в участках начальникам участковых милиций...»

— Ну, чудеса! — усмехнулся Бойцов. — Вначале со всей своей революционной беспощадностью чистки устраивают, а теперь объявлениями заывают.

Иван Иванович Бойцов, которому не так давно исполнилось 45 лет, силой и здоровьем обделенным себя не считал, но с октября прошлого года пребывал в безработных, по закрытию вследствие реорганизации Читинского уездного воинского присутствия. Больше года он исполнял при воинском начальнике секретарские обязанности, а теперь, вот, увы...

Отложив в сторону измятый, с оторванным кем-то явно на самокрутку краешком листа, номер «Дальне-Восточной Республики», где было жирно пропечатано объявление о наборе на службу в милицию, Иван Иванович задумчиво окинул взглядом убогое убранство небольшой комнатенки. Через знакомого ее удалось задешево снять на втором этаже городского Вольного пожарного общества.

Здесь Бойцовы и расположились вшестером. За комнатенку платили мизер, но при скудном жалованьи жены Бойцова, Екатерины Ивановны, и эти гроши создавали в семейной кассе заметный убыток. Остальные копейки утекали на четверых ребятишек, старшему из которых, Кольке, неполных четырнадцать. Когда бы главе семейства с постоянной службой определиться...

Эти месяцы после увольнения Иван Иванович подрабатывал, где только мог. Поначалу удалось устроиться возчиком на дровяные подводы, потом мешки на складах ворочал... Побросала судьба за пяток последних лет.

У матери их было трое, но в шестнадцатом младших сестренек в могилу свел тиф, а вскоре умерла и мать. Сколько Иван помнил, сердцем маялась, рано схоронив мужа и оставив здоровье на красильной фабрике в Красноярске. В столицу Енисейской губернии они перебрались из родного села Сулобузинское Красноярского уезда после смерти отца. Батя в свое время образование получил немалое — окончил четыре класса

ОЛЕГ ПЕТРОВ

церковно-приходской школы. Свои знания всемерно старался детям передать. Поэтому домашнее обучение сделало из Ивана человека вполне грамотного.

К тому же обнаружился у него и своеобразный дар — какое-то необыкновенное чутье на правильность и грамотность письма, и красивый писарский почерк проявился. Посему шестнадцати годков Ивана взяли письмоводителем к мировому судье. Помимо прочего, освоил, как дознание по уголовным делам проводить, другие юридические премудрости — через самообразование и подсказы грамотных людей.

Женился Бойцов поздно, двадцати девяти лет. Через два года родился первенец. Потом молодая семья в поисках лучшей доли переехала в Читу. Здесь родился в тыща девятьсот девятом второй сын — Ванька, а в двенадцатом году жена принесла дочку, которую окрестили Зоей. Накануне мировой войны Бойцовы обзавелись пополнением — на свет появился Миша.

На Русско-японскую войну Бойцова не призывали: работал тогда в уездном воинском присутствии, зарекомендовал себя с полезной стороны. Но когда загремела Русско-германская, — мобилизовали в 720-ю пешую дружину ополчения, расквартированную на станции Даурия. Здесь канцелярскую полезность тридцативосьмилетнего новобранца вскоре заметили. Начальник воинской команды назначил Бойцова старшим писарем комендантского управления Даурского гарнизона.

Февральско-мартовские пертурбации семнадцатого... Гарнизон зашумел, солдатня сорвала голоса на митингах, избирая батальонные и ротные комитеты. Все нацепили красные банты, правда, вскорости поснимали, но атмосфера накалялась, росли недовольство и злость, особенно против офицерских чинов и тех, кто подле оных ошивался.

Понятно, что штабных относили к таковым. На «писарчуков» всегда смотрели косо: пером скрипеть — не на плацу или полевых занятиях стыннуть. К тому же иные штабные солдатики порой без меры кичились своей привилегированностью и знанием того, что простой массе недоступно. Линейные (строевые) ополченцы, мягко говоря, зуб имели на канцелярских крыс, особенно с кончиной старых порядков. Хриплый вопль «Долой!» мог стать кое-кому и приговором.

От греха — подальше. Совершенно без оснований к тому Бойцов поддавался уговорам двух сослуживцев из писарской команды: тайком укатили в Читу, домой, благо революционно митингующей Даурии ни до кого уже не было дела, дезертиры отваливали восвояси пачками. А Иван рвался к семье, осознавая, как в это смутное время он там нужен.

Устроиться в Чите удалось по своему профилю — помощником стона начальника в управлении городской милиции, а несколько месяцев, с марта до августа восемнадцатого, пока белочехи в Читу не нагрянули,

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

Иван даже исполнял обязанности участкового начальника по 2-му участку гормилиции.

Потом Бойцов уволился — не мог он при белых в милиции работать. Политикой голова забита не была, но видеть творимый произвол и быть к нему даже косвенно причастным...

Подрядился грузчиком на дровяной извоз, пока в апреле девятнадцатого не открылась вакансия писца в Читинской уездной земской управе. Потом, совершенно случайно, встретил Иван своего бывшего даурского коменданта. Протекция последнего позволила заново поступить в воинское присутствие...

Многое вспоминалось в эту вьюжную январскую ночь нового 1921 года Ивану Ивановичу. Подумалось, что вообще-то заманчиво звучит прочитанное объявление. Хотя... Кто знает, времена нынче смутные, могут придаться к бывшему секретарству в семеновской воинской конторе, пусть ничего там крамольного и не было, нудная писарская работа за кусок хлеба...

Иван отщипнул нагар с оплившей свечи, свернул из газетного обрывка и ссуженной соседом-пожарным махры сигарку. Засветив земляничкой огонька, задул огарок и вышел на темную и холодную лестницу, чтоб домочадцев смрадом табачным не травить...

А с утра закутили неотложные заботы о пропитании семьи. Знакомый сообщил, что опять есть возможность подзаработать на железнодорожных складах, за разгрузку вагонов якобы даже мукой могут рассчитаться. Бойцов поспешил на Дальний вокзал, в железнодорожные тупики. Вернулся поздно, усталый и голодный, но крайне довольный заработанным — десятифунтовым мешочком серой муки. Жена встретила озабоченно:

— Ваня, тут до тебя приходили. Важный такой военный спрашивал...

— Военный? Важный, говоришь?

— Дюже, Ваня. При ремнях и нагане.

— А из себя какой?

— Круглолицый, в годах уже, усы щеточкой. Да! И в очках! Сказал, что еще зайдет, завтра, часов в восемь вечера...

Назавтра Бойцов вернулся домой пораньше. Весь день он не мог отделаться от ощущения, что предстоящая встреча несет в себе нечто важное и существенное для него.

Так и оказалось.

2

— Ну-те-с, давайте будем знакомиться. — Гость соответствовал портрету, который вчера нарисовала Ивану жена. — Фамилия моя Сокол-Номоконов, по имени-отчеству Василием Михайловичем зовусь.

ОЛЕГ ПЕТРОВ

— Иван Иванович Бойцов, очень приятно.

— Взаимно, взаимно, — пробасил коренастый, крепко сбитый, уже немолодой начальник областной милиции.

Шевеля прокуренными короткими усами, неторопливо снял круглые, в тонкой металлической оправе очки, протер их большим платком, так же неторопливо убрал платок в боковой карман широких темно-синих диагоналевых бриджей. Очки снова водрузил на переносицу.

— Представляться по должности, как, надо?

— Да нет, — улыбнулся Бойцов. — Вы фамилию сказали, а об остальном наслышан, в газете читал.

— Об остальном, говоришь? Это о чем же?

— Каким партизанским командиром были и что сейчас милицию организуете...

— Вот тут ты, паря, в самую сердцевину попал! — хлопнул обеими ладонями по подолу длинной, затянутой ремнем с портупеей темно-зеленой коверкотовой гимнастерки Сокол-Номоконов. — За тем к тебе и наведался. М-да... Ну дак вот! О тебе, Иван Иваныч, я ведь тоже не только от добрых людей наслышан. Мы ж, паря, с тобой и знакомы даже немного. Не припомнил?

Василий Михайлович хитро прищурился.

— Когда ты в гормилиции служил, я, брат, тоже милицанерствовал на станции Куэнга. Вот так! Случалось в конторе вашего второго участка бывать по служебной надобности. Не припомнил еще? А я тебя вспомнил сразу! Списки чинов гормилиции просматривал на днях и вспомнил. Понятно, что еще справки кое-какие навел... Да ты не удивляйся! Как хотел-то? Я ж тебя на сурьезное дело пригласить настроен. Почему и решил самолично навеститься.

— Память у вас отменная, — виновато улыбнулся Бойцов. — А я вот совершенно не помню, когда и по какому делу встречались.

И тут же, посерьезнев, подобрался.

— Слушаю вас внимательно, Василий Михайлович.

Он уже догадывался, что предложит начальник областной милиции. Такое внимание польстило. Ишь ты, сам взял и пришел. А мог бы и вызвать повесткой или через посыльного. Иван Иванович даже растерялся как-то, не получалось собраться с мыслями. Но в догадке не ошибся.

— Думаю на работу к себе в милицию тебя позвать. Пойдешь? — Сокол-Номоконов испытующе ввинтил глаза в лицо Бойцова.

— Отчего ж не пойти. Пойду! — не раздумывая, ответил тот.

— Молодец, цену не набиваешь! Вот, паря, и славно! — опять хлопнул себя Сокол-Номоконов и поднялся с табуретки. — Давай, завтра с утра приходи. На Большой улице полутровский дом знаешь? Во, там мы пока

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

и расположились, в хоромах МВД. Подходи! Даже если за ночь передумаешь, а то согласился-то быстро...

— Я еще до вашего прихода о милицейской работе думал, так что готов сразу с прошением прийти.

— Как-как? А-а... С прошением, говоришь... Ну, давай, подходи с прошением! — На широкоскулом, навсегда потемневшем от загара, обветренном лице промелькнула улыбка. — Стало быть, уважаемый ты мой Иван Иваныч, завтрашним утром милости просим!

И протянул, прощаясь, короткопалую, не по возрасту крепкую в пожатии руку.

— Господи ты боже! Совсем что-то я! Василий Михайлович, может быть, чаю? — спохватился Иван Иванович, смущаясь. — Вы уж простите, нескладно как-то принимаю...

— Нет-нет-нет! — замахал руками Сокол-Номоконов. — Дела ждут. Спасибо за приглашение. Думаю, еще почаевничаем, и не раз. Бывайте здоровы, товарищ Бойцов. А завтра жду непременно! Хозяйке от меня — поклон.

Гость ушел, простучав сапогами по гулкой лестнице.

Иван Иванович поставил на печурку чайник, порылся, улыбаясь набегающим мыслям, в неказистой тумбочке, нашел четвертушку серой бумаги, достал чернильницу с медной крышечкой. Из картонной коробочки вынул ручку-вставочку, проведя пером по пальцу, сморщился, поискал в коробочке новое, заменил.

Пристроившись на краю тумбочки, поближе к огню, красивым почерком вывел: «Тов. Начальнику Восточно-Забайкальской областной милиции гр-на Ивана Ивановича Бойцова ПРОШЕНИЕ».

Ровной чертой подчеркнул прописные буквы заголовочного слова, поставил в конце обращения точку. Знал: для человека образованного эта точка — первый знак: пишет прошение не деревня темная, а незаурядной грамотности проситель.

Иван снова улыбнулся, обмакнул перо в полувывсохшую чернильницу и, посерьезнев, дописал: «Согласно извещения начальника милиции («Дальне-Восточная Республика» от 31-ХП-1920 г., № 188) предлагаю свои услуги в качестве служащего милиции на должность, какую Вы, товарищ начальник, найдете со своей стороны возможным представить мне...»

Забурлил чайник, пуская из носика паровозные клубы пара. Иван Иванович, очнувшись, глянул на луковицу карманных часов. Бог ты мой, пора Катю с детьми встречать! Жена вечерами мыла полы в управлении железной дороги, а ребяташки помогали матери.

...Когда домочадцы шумно пили чай, а потом укладывались спать, Иван Иванович ничего о поступившем ему предложении говорить не стал,

ОЛЕГ ПЕТРОВ

только утром с женой поделился. Увидел, как она обрадовалась. Еще бы, ведь милиционерам паек — по рабочей норме, опять же обмундировывали на казенный счет.

Вскоре Бойцов отправился с прошением в Министерство внутренних дел, расположившееся в каменном трехэтажном доме, ранее принадлежавшем домовладельцу и читинскому купцу первой гильдии Д.В. Полутову, почему здание так и называли по-старому (как, впрочем, и другие читинские дома — по фамилии от бывшего или нынешнего домовладельца, хотя строения уже получали уличные порядковые номера). Дом Полутова, в три этажа, числился по Большой улице, при том, что его основной фасад красовался на Софийской, выходя высокими арочными окнами прямо на громаду Александро-Невского кафедрального собора в центре Новособорной площади. Купец, а после коммерции советник, Полутов в двадцатом году с семеновцами в Маньчжурию подался, и пошло все его каменное и прочее недвижимое богатство, пятнадцать каменных и деревянных домов, в реквизицию. Вот и обосновались в самом здоровом из полутовских домов Минвнудел и управление областной милицией.

В приемной Сокол-Номоконова произошла неожиданная встреча.

За столом сидел Григорий Наумович Савво, который в восемнадцатом году служил столоначальником читинской гормилиции, — у него-то Иван в помощниках и ходил! И потом, год спустя, он же, Савво, принимал на работу Бойцова в земскую управу. Куда тоже из милиции при семеновцах перешел.

Иван, широко улыбаясь старому знакомому, отметил: еще большее сходство Григорий Наумович приобрел с Гоголем. Литографический портрет писателя Иван запомнил с детства — видел в книжке, когда читали с отцом про кузнеца Вакулу и черевички императрицы.

Однако бывший столоначальник больше смахивал на крайне исхудавшего классика русской литературы. Нездоровый румянец заливал впалые щеки Савво. Да и вряд ли автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки» сподобился бы носить потертый английский военный френч и сатиновые черные нарукавники.

Савво, как и раньше, сдержан, немногословен, но встретил Ивана приветливо, пробежал глазами прошение, кивнул удовлетворенно:

— И правильно.

У Ивана было желание поговорить с Григорием Наумовичем, вспомнить старую службу, но тут в дверях соседней комнаты показался Сокол-Номоконов.

— Товарищ Бойцов! Приветствую. Проходи, проходи...

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

В служебном кабинете начальник областной милиции официален и строг. Важно принял из рук Бойцова прошение, сразу же углубился в чтение. Только минуты через три оторвался от бумаги, усмехнулся. Начальственным тоном, с расстановкой, резюмировал:

— Прощение твое, Иван Иванович, прочитал внимательно. Накатал, брат, ты изрядно, — Сокол-Номоконов покрутил густо исписанный с двух сторон лист. — Но подробность нам и требуется. Так, значит, при белочехах и семеновском отребье служба не с руки оказалась? Но нынче не белочехи и не атаман, так, Бойцов?

Глаза большого милицейского начальника, увеличенные толстыми стеклами очков, казалось, сверлили Ивана насквозь.

Иван кивнул.

— Что с милицейским делом знаком, это — ой, как кстати, — продолжил Василий Михайлович. — Работы — край непочатый! Но вот, брат, оказываются, что у милицейского начальника служба-то больше бумажная — сам видишь, в ворохе бумаг тону! И не знаю, прям, что делать, паря! Охо-хо... По бумажной части особенно зашиваюсь...

Сокол-Номоконов сокрушенно оглядел свой огромный стол.

— Так что... Думаю взять тебя к себе в помощники. Грамотных у нас негусто, а тебя Савво как раз таким и характеризовывает, к правильному оформлению канцелярских дел склонным. Ну, как, паря, справишься? Давай, Бойцов, не боги горшки обжигают! Посему такую резолюцию на твое прошение налагаю...

Обмакнув перо толстой костяной ручки в амбирную латунную чернильницу, вывел на прошении Бойцова зелеными чернилами в верхнем левом углу наискосок: «Назначить помощником начальника областной милиции, отдать в приказе с 15-1-21 г. Написать представление в Управление внутренними делами. 13-1-1921 г.».

И размашисто, не жалея места, подписался: «Сокол».

Выкрикнул громогласно, по-командному, Савво из приемной, передал завизированную бумагу:

— Возьми-ка, Григорий Наумович, сие прошение, оформи согласно резолюции, дабы сегодня у Герасима Ивановича наше представление на Бойцова оказалось без затяжки. Будет готово — заноси, подмахну!

Повернулся к Бойцову:

— А ты расскажи Григорию Наумовичу для бумаги нашей свои биографические подробности. Ну а завтра, милости прошу, к службе приступать. Товарищ Савво место тебе определит, насчет пайка и по обмундированию порешает. Что, дружок, не помешало бы это, а?

Негромко засмеялся, щурясь, протянул руку.

— Давай, Иван Иваныч, поработаем-послужим, паря!

Первый служебный день начался для Бойцова с суматохи и круговерти. Решение поступило сверху: управление облмилиции перекочевывает по новому адресу, с министерского поста, стало быть, съезжает. Тут в трех комнатухах сидели, а теперь выделили целый дом на углу Александровской и Корейской улиц.

Собственно, насчет областного управления звучало куда как громко. Весь штат-то — пять человек, включая Савво, представлявшего в едином лице общий отдел и канцелярию облмилиции. Как помощник начальника, Иван вроде бы тому напрямую и должен подчиняться, но без Григория Наумовича пока чувствовал себя не в своей тарелке, потому и определил себе Савво за старшего.

Впрочем, оно так на так и выходило — поручения начальник давал обычно, если это документов касалось, через Савво, а Ивана гонял лишь в качестве курьера-посыльного, что Бойцову сразу не понравилось. При его-то возрасте и писарских навыках — мальчиком на побегушках! Но рассудил так: главное — работу получил, жалованье, паек, а дальше — время покажет.

Помимо них, канцеляристов, и самого начальника, оставшийся штат управления представляли старые боевые сослуживцы Сокол-Номоконова — Георгий Михайлович Кожин и Андрей Николаевич Голобоков. С ними Бойцов общался редко — оба инспектора, как они назывались по должности, практически не вылезали из разъездов по области, налаживая дело с организацией милиции в уездах или, как принято было говорить, — на местах.

Когда удавалось собраться вместе и Сокол-Номоконов проводил совещания, обмен мнениями показывал Ивану, что в деле создания основ управления областной милицейской структурой он разбирается лучше, чем его коллеги. Прошлый, пусть и небольшой, милицейский опыт помогал. А бывшие партизанские командиры видели на местах не милицейские отделы, у которых очень много в работе значит опрос населения, скрупулезное создание цепочки информаторов и помощников из народа, а некие летучие отряды, которые выскакивали бы махом на громкое происшествие и наводили порядок железной рукой.

Ну, никак не получалось убедить партизанскую тройцу, что облава и прочесывание местности, конечно, нужны, только зачастую в раскрытии преступлений излишний шум-гам, молодецкий кавалерийский наскок ничего не дают, а вред могут принести изрядный.

Хотя хорошо было уже то, что хоть в чем-то прислушивались. Зато в другом не было цены бывшим партизанским вожакам: с присущими им боевым настроем и напором они смело, не откладывая в долгий ящик, брались решать сложнейшие вопросы снабжения милиции оружием

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

и боеприпасами, вещобмундированием, фуражом и конской амуницией. И горячо агитировали вступать в милицейские ряды своих бывших соратников по партизанской борьбе.

В общем, правильно понимали главное — без крепкой и оснащенной милицейской силы — и немалочисленной, а такой, какая потребна на забайкальских просторах, — никаких заметных результатов в наведении порядка и установлению спокойствия в селах, поселках, деревнях, в станицах и на городских улицах не добьешься. К тому же зарождающейся уездной милиции приходилось чаще других выполнять задачи не совсем милицейские. Серьезную опасность представляли недобитые охвостья банд атамана Семенова и барона Унгерна, налеты на пограничные села и станицы хунхузов — китайских бандитов из-за кордона.

Однако постепенно новая народная милиция вставала на ноги. Именно народная, как особо выделил, выступая на первом совещании с новыми начальниками уездных милиций и участков Сокол-Номоконов:

— Без крепкой смычки с самыми широкими народными слоями, товарищи, милиция существовать не может. Вернее говоря, существовать-то, однако, будет, а без толку. Ворье и другие самые различные шайки всякого сброда будут творить свои черные и пакостные дела, лить народную кровь, если мы не станем плотью от плоти народа. Революционная милиция в свободной республике обязана быть народной не только по названию, а такой милицией, которая народ защищает и оберегает от преступного зла. Мы — не старая самодержавная полиция, которая хватала и бросала за решетку людей не столько за украденное, сколь за правдиво сказанные слова. Нам же надо с настоящей нечистью покончить! И если люди в нас будут верить, верить, что мы придем на помощь, защитим, тогда и они нам завсегда просигнализируют о преступном элементе, сообщат, где, когда и кем готовится преступное дело. Без таких сведений мы с вами, товарищи, никогда с преступностью не покончим, сколь бы мы боевых своих сил не выставляли на улицах и трактах, сколь бы не устраивали облавы и не бомбили притоны и морфинилки. Поэтому народу всех слоев надо кропотливо разъяснять, что мы не прислужники буржуазной республики, а народная милиция, для простого человека в первую очередь, тем паче, что наш буфер — явление явно временное, и советская власть — наша недалекая, будьте уверены, перспектива! Симпатии народные, сами видите, на нашей стороне, это, товарищи, мы обязаны до глубины души ценить и чтить. И отвечать делом!..

К апрелю 1921 года, несмотря на все трудности, были созданы все пять уездных милиций: Нерчинская, Нер-Заводская, Алек-Заводская, Акшинская и Читинская. Формировалась и шестая — в Сретенске.

Понятно, что в столице ДВР милицейских сил набиралось поболее, чем где-либо: обстановка этого требовала. За четыре неполных месяца

по учетам прошло почти четыре сотни преступлений, и львиная доля их приходилась на Читу. И это еще не все сообщения с мест доходили. Отвратительно работала связь, даже телеграф.

Иван Иванович Бойцов, ставший к тому времени еще и заведующим инструкторско-ревизионным отделом облмилиции, со связью крайне намучился. Депешу срочную передать в уездный центр — головная боль!

А с мест вообще можно было вместо сообщения абракадабру получить! Случались такие казусы, что даже газеты их использовали в качестве тем для фельетонов и ироничных заметок.

Недавно всей компанией хохотали над свежим номером «Дальневосточной Республики». С ехидцей корреспондент рассказывал, как областное бюро союза молодежи направило из Читы телеграммой разъяснение в Шилку: «Шилкинский комитет существует правах района непосредственная связь Читой Оббюро местами должна поддерживаться Райком руководит работой местных организаций». В Шилке, смеется газетчик, телеграмма была получена в следующем искаженном виде: «Шилкинский комитет не существует правах работы непосредственная связь Читой оббюро литерами должна поддерживаться тайком руководить работой литерных организаций». И смех и грех!

Усердный шилкинский телеграфист, прочитав оное, даже позвонил о таинственной телеграмме в местный нарревком, мол, не контрреволюцией ли запахло...

Впрочем, политизация общества чувствовалась буквально во всем. Газеты пестрели агитационными материалами различных партий и блоков, всевозможными способами стремились получить большее влияние на умы и сердца забайкальцев. На глаза Бойцову недавно попался очень характерный образчик такой агитации. Орган Забоблбюро РКП(б) «Дальневосточная правда» под броским заголовком «ЛИТЕРАТУРНЫЙ СУД НАД ЛЕНИНЫМ» сообщала: «Сретенск, 27 (Дальга). 15 апреля в большом городском театре прошел с большим успехом литературный суд над Лениным. Защитник обвиняемого Воскобойников своими вескими аргументами довел сретенского прокурора до того, что последний, дабы сгладить создавшееся не в пользу его настроение со стороны слушателей, вынужден был заявить, что он — тоже коммунист и только исполняет роль противника на суде. Под шумные аплодисменты суд закончился полным оправданием Ленина».

Бойцов подобное относил к казусам. В литературные и теоретические тонкости публика на подобных зрелищах обычно не вдавалась, довели обычные эмоции и настроения толпы. Побеждали симпатии.

Аналогичная картина наблюдалась и в создаваемых милицейских органах. Ивана Ивановича, с военной службой знакомого, удивляла и раздражала царящая в коллективах милиционеров непонятная смесь

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

единоначалия и коллективных общественных решений буквально по всем вопросам деятельности милиции.

Основную массу милиционеров, не говоря уже о милицейских начальниках разного калибра, составляли бывшие партизаны, предпочитавшие начальника-командира себе избирать на общих собраниях. Кого уважали или кто больше нравился, кто командиром был в боях или у кого глотка самая луженая, а кулак самый тяжелый.

Как правило, за последнее пока уважали более всего. Естественно, что избранный начальник считал своим долгом с подчиненными советоваться. А кто, так сказать, начинал гнуть свою линию, долго в начальниках не задерживался — переизбирали! В общем, собраний и митингов хватало. И затягивались они иной раз до полуночи. Накалялись страсти, кипели эмоции — до службы ли...

Звучали на собраниях и митингах, конечно, и дельные мысли. Да только тонули в ворохе обсуждаемых сиеминутных проблемок.

Недавно, к примеру, Бойцов побывал на собрании коллектива служащих Читинской городской милиции. Сокол-Номоконов послал, опыта набираться.

Председательствовал на собрании помощник начальника Капустин, большой любитель бронзовым колокольчиком бряцать за столом президиума:

— Товарищи госмилиционеры! Приступаем к рассмотрению повестки дня сегодняшнего собрания. Первым вопросом разбор заявления гражданина Мельничука о принятии одного на должность младшего милиционера...

— Но-ка, пусть покажется! Вставай, Мельничук, перед народом! Биографию расскажи! Партизанил или под подолом у бабы отсиживался? Давай, паря!.. — тут же полетели из зала выкрики.

Поднялся сконфуженный, крестьянского вида мужик средних лет, о себе рассказал коротенько и незамысловато. В Читку из деревни полгода назад приехал на заработки, но ничего постоянного из работы не имел. Не партизанил, но из сочувствующих — помогал продовольствием быркинскому отряду, партизанские разведчики ночевали у него.

Тут же постановили, что препятствий к приему в милицию нет, дать ему, Мельничуку, месячный испытательный срок, тем паче, что один из милиционеров, Кузьма Бекетов, на собрании за Мельничука поручился, потому как сам его привел на службу устраиваться, — живут в соседях на Дальнем вокзале.

Вторым вопросом собрание проревизовало приказ начальника 4-го участка о выдаче служащим участка в кредит книжек на воду.

— Ишь ты, как завернул! Прямо министр! — смеялось собрание, когда Капустин разъяснил, что участковый начальник такое решение принимать

права не имеет, потому что есть соответствующие указания Министерства труда. Так и постановили: рекомендовать начальнику 4-го и других городских участков неправомочные решения не принимать, а действовать согласно указаний Минтруда.

— Слушаем очередной вопрос повестки дня. Тише, товарищи, кончай гвалт! — председательствующий яростно бряцнул колокольчиком, нахмурившись, пошелестел бумагами и поднял над головой помятый лист.

— Тиха-а! Вопрос, товарищи, не из приятных! Прямо скажу, нехороший!

— Не тяни! Чо там?

— Товарищи! К нам поступило... вот оно... отношение от начальника второго участка об откомандировании служащей там Елены Яковлевой как несоответствующей своему назначению...

— Каво? Чо, как баба, што ли, не может, ха-ха-ха! Како там у нее назначенье?

— Хорош тут балаган разводить! — отрезал, поднявшись с четвертого ряда, сам проситель. — Грамоты нет, куды секретарить? Терпел я, товарищи, сам за нее бумаги выправлял, но куда же! Я пока не министерство социального призрения...

— А на хрена такую брал? Небось фигуриста да на личико смазлива, а? Родню-то любую стерпел бы, хошь и ва-аще дремучую! — продолжал веселиться зал. — Не министерство у него! Тожа небось в министры, как начальник четвертого, наметился, а?

— Да не брал я ее! — красный, как рак, оправдывался, уже прокляв себя за поданное отношение, начальник неграмотной секретарши. — Пришел, уже она там сидела...

— Мы пошли б на посиделки. Да там кавалеры мелки!.. — тут же пропел кто-то с последних рядов, на что зал прямо-таки обвалился гоготом.

Окончательно раздавленный насмешками, заявитель махнул рукой и сел на место, низко опустив голову.

— Тише, товарищи, тише! Давайте посерьезнее! — Казалось, колокольчик у Капустина сейчас оторвется от деревянной ручки и улетит в зал. — Хватит орать и частушки горланить! По Елене Яковлевой резолюцию принять мы обязаны! Тем более что от ее неграмотности страдает дело. Или непонятно?

— Да ясно все, давай, ставь на голосование, а то уже второй час сидим тут! — крикнул тот же чернявенький, что частушку затягивал.

По Яковлевой резолюцию приняли. Уволить, как негодную для секретарской работы. Конечно, высказался вдогонку кто-то, мол, ежели бы пришла на собрание да попросила коллектив, а и не явилась, проигнорировала!

Бойцов очумело вертел головой по сторонам. Посылая его на собрание, Сокол-Номоконов напутствовал, дескать, погляди, послушай, какие

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

проблемы, нужды у милиционеров. Хм, шел на серьезное мероприятие, а попал в цирк-шапито!..

— На этом, товарищи, повестка дня собрания исчерпана. Справки и вопросы к президиуму имеются? — чисто для проформы спросил председатель собрания, собирая бумаги и задвигая стул.

— А как же! Имеются! Дайте слово! — к трибуне направился жилистый рыжеватый Бояршинов из отделения уголовного розыска. Поднялся на ступеньку перед трибуной, левой рукой ухватившись за ее бортик.

— Сказать хотелось бы вот об чем, товарищи... — Он замолчал, обвел зал глазами, повернул голову к столу президиума. — Закавыка, товарищи начальники, стало быть, имеется сурьезная! А речь веду об арестном помещении при гормилиции. Это что же, товарищи, делается! Извините за грубое слово, но тамошние надзиратели ни хрена ведь мышей не ловят! Зайдите туда, особливо к вечеру, полное разгильдяйство! Арестованным дана свобода действий! Куча мала всякой родни набегает, мамки-няньки гужуются сколько и когда хотят! Полная, стало быть, свобода в обращении арестованных с родней и приятелями...

— Точно, точно! Так все и происходит! — выкрикнул, приподнявшись, дружок Бояршинова, Васин, тот самый чернявый частушечник. — Об чем угодно преступному элементу сговориться на свиданках — запросто! Времени дадено сколь хошь, присмотра нет! А начинашь надзирателям говорить — куды с добром! Нос воротят, мол, сами с усами! Зажрались там... Ни-ка-ко-го надзора нет!

— Усядь ты, ядрена вошь! — прикрикнул на дружка Бояршинов. — Дай сказать, чес-слово! Так вот, продолжаю. Во всем этом, принимая во внимание и сказанное Васиным, вижу огромный вред делу расследования. При такой постановке надзора и связь у арестантов налажена, да и сбежать, чес-слово, труда не составит. И мы... Далеко ли мы продвинемся в дознавательстве? Разве можно всех соучастников, например, того же ограбления, выцапать, если у них постоянный сговор идет? И завсегда, чес-слово, возможность имеется наказ передать на волю: куда затырить или кому продать награбленное...

Взопрев от столь длинной для него речи, оратор смолк, махом вытер рукавом лицо в россыпях веснушек.

— А Федьча дело гуторит! — снова вскочил Васин, ударив кулаком о ладонь. — Там бы надзирательский состав почистить не мешало! Понятно, без магарыча не обходится, потому они и поблажки арестантам устраивают, а с нами всеми через губу разговаривают!

— Правильна-а!

— Давно пора потрясти котяр жирных!

— Они там небось давно окопались, чай, еще при атамане народ гноили!..

Капустин с раздражением проводил глазами оставившего трибуну Бояршинова, многозначительно повел взглядом на Бойцова, сидевшего среди милиционеров на лавке у окна, мол, видал, орлы какие тут. И снова затряс колокольчиком:

— Товарищи! Хватит галдеть! Поступило важное, повторяю, очень важное дополнение! — произнес это столь многозначительно, что зал быстро стал успокаиваться.

Председательствующий, ободренный такой реакцией собравшихся, продолжил.

— Есть предложение прения по данному вопросу, заостренному товарищем Бояршиновым и товарищем э...

— Васиним! — подсказали из зала.

— Ну да. Так вот. По товарищами Бояршиновым и Васиним поданному вопросу прения предлагаю прекратить, а постановить следующее...

Капустин, скромно улыбнувшись, показал залу неровно исписанную четвертушку бумаги. — Я тут проект резолюции набросал накоротке...

— Читай!

— «Просить начальника городской милиции в срочном порядке принять меры к устранению беспорядков в арестном помещении». Таков, собственно, вариант...

— Голосуем!

Голосовали единогласно. Но и это не положило конец собранию. Несколько человек, друг друга не слушая, подняли жгучий вопрос — о невыдаче пайка. Вернее, о том, что, коли возможности регулярной выдачи продпайка нет, то надобно изыскать способ приобретения хотя бы мяса и жировых веществ, а еще мыла.

Постановили возбудить ходатайство перед Главным управлением милиции об отпуске отделу снабжения хранящихся в пакгаузе кирпичного чая, отреза крепа и 145 кусков мыла для обмена на мясо и жиры. Но чтобы часть мыла была по получении из пакгауза выдана на руки.

Приняли и еще одну резолюцию: по порядку приема на службу — упрек Главному управлению, мол, почему часть служащих принимается без ведома коллектива. Постановили просить начальника придерживаться общего порядка и войти в ходатайство о получении разъяснения, как подчиненные должны обращаться и называть своих начальников.

Собрание закончилось за полночь. Бойцов вышел с него совершенно одуревшим. Но в памяти остались выступления Бояршинова и Васина. Дельные вещи говорили, для непосредственной работы по розыску и следствию важные.

Так и рассказал начальнику все поутру. Сокол-Номоконов внимательно выслушал. И не перебивал, и ничего не сказал. Но поручение новое выдал: проштудировать все материалы состоявшегося в марте

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

первого съезда начальников областных и железнодорожных управлений Народной милиции ДВР, особо обратив внимание на принятую съездом специальную директиву по реорганизации уголовного розыска, которая требовала провести незамедлительную проверку благонадежности агентов угро, принять меры к немедленному восстановлению системы регистрации преступников и преступлений.

Иван Иванович помнил, что раньше, когда он еще начинал работать в милиции в восемнадцатом, существовало при городском управлении уголовно-разведывательное бюро. Там накапливались сведения не только обо всех проживающих в городе преступных элементах, но и местах их сборищ, притонах, всяких подозрительных домах. Теперь же, увы, от былых сведений остались крохи. Что-то пытался собрать помначальника городского отделения уголовного розыска Сметанин.

— Задачу нам с тобой, Иваныч, далеко непростую выдали, — говорил, прихлебывая чай из потрескавшейся фаянсовой кружки, Сметанин. — Не потому, что бумажный ворох перелопатить требуется. И даже не перелопатить — навозную кучу руками перебрать и найти жемчужное зерно!

— Навозную кучу, жемчужное зерно... — усмехнулся Бойцов. — Тебе бы, Михалыч, басни писать.

— Басни не басни, а насчет зерна... — Сметанин отставил кружку. — Это, друг мой, означает, что придется нам с тобой — больше некому — засесть за составление инструкции-наставления для угрозыска. Кстати, от Колесниченко об этом прямое указание имеется.

Сметанин был старым спецом угро. И партизанские порядки в создаваемой милиции ему не нравились. Резкий на выражения, авторитетов среди новоявленных милицейских начальников не признавал, мог любому из них высказать в глаза свои неприятные суждения о той или иной проведенной операции, разнося в пух и прах за неумелость и дилетанство.

Начальнику угро Гадаскину, ностальгирующему по кавалерийской лихости былых партизанских побед, замечания и суждения Сметанина вообще словно нож по горлу, потому он с радостью и сплавил Петра Михайловича на бумажную работу, пусть и временную. «Нехай инструкцию пишет! Больно умный, можа и мы поумнеем, опосля, как его вирши прочитаем!» — съязвил Гадаскин, у которого со Сметаниным с первого дня взаимная антипатия сложилась.

А Бойцову Сметанин приглянулся. Аккуратный в документах, думающий. И такая память! Многие порассказал он Ивану Ивановичу, по полочкам разложил весь, не понаслышке знакомый ему уголовный мир Читы. Иван Иванович узнал о шайках домушников и карманных ворах, о грабителях-гопстопниках, об имеющейся в городе паутине барыг — скупщиков краденых вещей, и помогающих им изменить-перелицевать

умыкнутые вещички тихих жуликоватых портных, о городских конокрадах и гадалках из Кузнечных рядов...

Сметанин вслух прочитал написанный им в инструкцию первый параграф: «Искусство уголовного розыска заключается в особом умении применить различные средства, способы и приемы для раскрытия совершенных и предупреждения готовящихся преступлений».

— Понимаешь, Иваныч, для сотрудника уголовного розыска особое умение не должно быть пустым звуком. Оно должно заключаться в том, чтобы обнаруживать истину содеянного законными средствами. Вот задержали мы человека по подозрению в совершении, допустим, кражи. Но до конца еще не знаем, он или не он это сотворил. И вот тут, согласись, надо уметь его расколоть. Наскочить на него, как говорится, с шашкой наголо, мол, или все, как на духу, или голову с плеч — бесполезная трата времени! Хуже того, под страхом или пыткой многие и в том, чего не совершали, сознаются. Но в таком случае мы уже не сыскари, а точно такая же шайка разбойников, как и те, с кем боремся. Понимаешь мою мысль?

Бойцов кивнул. Чего ж тут было не понять. Когда, в общем-то, неплохой человек, Илья Гадаскин, со зверским лицом, не выбирая выражений, до хрипоты орет на задержанного, требуя признания — ей-богу, никакой гарантии нельзя дать, что не выхватит наган да не пальнет в арестованного. И потом, после этих допросов, как удержаться от опасения, что признание выжато липовое, а настоящий преступник в стороне остался?

Спокойной скрупулезности в работе пока маловато. Боевые наскоки, облавы и рейды... Обычно собирали милиционеры по базарам и притонам рыбешку мелкую — бродяг-воришек, шулеров-одиночек, в китайских забегаловках — трясущихся морфинистов и вялых курильщиков опиума, разгулявшихся в пьяном кураже мужиков с окраин, навешавших друг другу или домочадцам фонарей и плюх.

В Чите же участились дерзкие налеты на магазины и лавки, квартиры зажиточных горожан. Все опаснее становилось на сбегаящих с хребтов в столицу ДВР трактах — одиночными подводами крестьяне уже ездить не рисковали, сбивались в обозы, вооружались ружьями и топорами для отпора лихим людям. Уголовники, наглея от безнаказанности, орудовали в городе и его окрестностях с нарастающим размахом.

4

Фанфаронства главе МВД Знаменскому хватило еще на два месяца. Потом его из министров наладили, высказав на заседании Правительства немало суровых, крайне болезненных для его чиновничьего самолюбия упреков по поводу разгула преступности и его самоустраненности от руководства милицией, ее обеспечения, заодно обвинив в обуржуазивании, склонности покутить, людей не стесняясь.

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

«Боже мой, какова же все-таки людская зависть и неблагодарность!» — думала, всхлипывая, Вероника Иннокентьевна, уже привыкшая к шоколадным подношениям и другим, более весомым, знакам мужского внимания со стороны теперь уже бывшего министра.

И очень ревниво встретила новое начальство — Евгения Михайловича Матвеева, до этого занимавшего должность товарища министра, то есть заместителя Знаменского.

Многим, не только в Чите, но и по Восточной Сибири и Приамурью, новый министр внутренних дел был известен давно. Коренной забайкалец, юрист по образованию, Матвеев еще в 1918 году, когда в Чите установилась власть Советов, был избран первым комиссаром внутренних дел Забайкальского облисполкома, в котором вместе с видными деятелями революционного движения в Восточной Сибири Г.Т. Перевозчиковым и Н.В. Сундуновым возглавлял комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем.

После образования ДВР был назначен товарищем министра и одновременно начальником административного управления Минвнудела.

Теперь товарищем министра к Матвееву утвердили Михаила Даниловича Иванова, тоже из коренных забайкальцев, кавалера трех Георгиевских крестов за храбрость, полученных в германскую, известного на Дальнем Востоке партизанского вожака, выгодно отличавшегося от большинства собратьев по оружию умением тщательно оценивать и взвешивать все «за» и «против» в любом деле, никогда не принимавшем решений с кондачка.

Партизаны, воевавшие с Ивановым, сильно уважали его за то, что из боев его бойцы всегда выходили с минимальными потерями, побеждали малой кровью.

— Это, Иваныч, уже ветерок перемен подул! — обрадованно говорил Бойцову Сметанин. — Ишь, как кадры-то тасуют! И поделом! Конечно, разве барина Знаменского сравнить с Матвеевым? Этот коку с сокой попробовал! Не по тылам ошивался! И Данилович ему напарник добрый, не чета нашим «кавалеристам»... Смотри, Иваныч, о чем сразу речь пошла — о законе, милицейские функции и права определяющем, об учебе молодежи, которую на службу принимают. О перспективе службы, значитца! Профессиональной перспективе, а не партизанской самодеятельности.

— Про наметки об открытии милицейских курсов, Петр Михайлыч, я вообще-то слышал, дело нужное. Милицейской грамотности пополнению очень не хватает. Тем паче что учить надо новую, народную милицию, для которой старые полицейские методы в принципе негодны!

— В принципе, может, и да... Но, думаешь, среди старых чинов полиции все были держимордами? Отнюдь! Застал я еще те времена... Не вся полиция за политическими гонялась, милый ты мой! Уголовников и при царе

было, как грязи. Но, между прочим, старый уголовный розыск был нам, нынешним, не чета! М-да! Душой люди за дело болели! Таких сейчас на службу позови — пойдут! И будут учить на совесть. А умение с оружием обращаться, стрелять, врага, как зверя, скрадывать — так тут хороший партизанский навык очень даже кстати будет. Опять же, с первых дней новичков к дисциплине приучать необходимо! Недисциплинированный милиционер — беда для дела, разгильдяй! Во вкус власти войдя, в два счета под свою выгоду любой закон подомнет! Потому во время учебы самый резон — заодно проверить новичка на дисциплинированность...

— Интересно... И как ты его проверишь? Человек только что поступил на работу, понятное дело, осторожничает на первых порах, приглядывается...

— Ваня, ты же знаешь, уж если человек по характеру разболтан — скоро проявится! Не так ли в солдатской казарме, а? Должен же ты помнить...

— Согласен! — засмеялся Бойцов. — Получается вроде как сито. Сорный человек тогда на службу в милицию не попадет.

— Именно! Потом вот смекай, Иваныч, — возьмем, к примеру, ученый люд, который юридическим тонкостям в университетах учился. Тоже в обучении милицейской молодежи пользу бы ученые юристы принесли, особенно в криминалистическом плане, с научным, знаешь ли, подходом. Для того чтобы при расследовании преступления умели ребята ни одного следа не утратить, все на заметку взять и для поиска преступника обратить. Уликами преступника припереть, а не на горло или кулак брать! А когда кулак в ходу — мы не милиция народная, а средневековая инквизиция, от которой даже честный человек, как черт от ладана, будет шараться...

— А вот ты бы, Петр Михайлыч, пошел бы на курсы преподавать?

— Я-то? Как тебе, сказать... — Сметанин помедлил, призадумавшись. — Вряд ли. Видишь ли, какое дело... Я всегда на практической работе был, к этому, думаю, больше способен. У меня душа горит на бандитскую мразь! А с указкой между партами разгуливать... Не по мне это, не по мне... Хотя, Иваныч, дело это стратегическое! — предостерегающе поднял палец Сметанин. — И не помешало бы каждому в чем-то подучиться, а?

— Оно-то, может быть, и не помешало бы, — кивнул Бойцов. — Да годы уже — эге-ге-гей... Старею! Да уж... А настоящего дела и не видел еще! Стрелять могу, силой не обижен, навык, думаю, кой-какой в сыске имею. Так нет! Червь бумажный! — Иван Иванович с раздражением оглядел разложенные по столу бумаги. — Как же вся эта писанина мне осточертела! Я уже два рапорта Василию Михайловичу написал с просьбой меня от канцелярщины освободить, а направить хотя бы к вам, в уголовный розыск...

— Хорошая мысль! Только все ли ты договариваешь, дорогой товарищ Бойцов?

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

— Не понял... — протянул Бойцов, набывчившись.

— А ты в бутылку-то не лезь! — усмехнулся Сметанин, внимательно разглядывая Ивана Ивановича. — Я и без того понял, что молодца точит малость гордеца. Да ты не сопи обиженно, не сопи. Старого сыскаря не проведешь!..

— Ну так и я не мальчик...

— А я разве что говорю? — Сметанин снова усмехнулся. — Я о другом, Иваныч.

— Так разъясни мне, непонятливому!

— Говорю же, не кипятись! А разъяснить свои умозаключения — да Христа ради. Значит, говоришь, писанина тебе осточертела? Так мы с тобой, кроме инструкции, никакой большой писанины и не сгородили. Это вон Савво денно-нощно над бумагами корпит, за столом горбатится. А мы-то, так, — поиграли в писарей. Это — раз. И вот еще какое мое умо-зак-лю-че-ни-е... — Слово, видно, так нравилось Сметанину, что он обкатывал его на языке, как монпансье-ландринку. — Писарским делом ты, Иваныч, почитай, всю сознательную жизнь занимаешься. Так? Сам же рассказывал.

— Ну и что?

— А то, милый ты мой, что давно ты уже с делом этим свыкся, а по-сему резкого противления оно у тебя вызывать не может. И что из этого следует?

— Что? — непонимающим эхом произвольно откликнулся Бойцов.

— А то, что душно тебе у Сокол-Номоконова работать не из-за писанины, а по каким-то иным обстоятельствам. Али не так? — хитро прищурился Сметанин, цепко обволакивая Ивана Ивановича взглядом.

Бойцов снова засопел, багровея, хрустнул, кулак в кулаке, пальцами, исподлобья зыркнул потемневшими глазами на Сметанина. Но быстро взял себя в руки. Вдохнул:

— Тютелька в тютельку, Петр Михайлович. Силе-ен!

— И чо? Дядя Вася залудил?

— Да не то, чтобы... — Иван Иванович снова захрустел пальцами. — Понимаешь... как это тебе объяснить... Ну не могу я с ним! Кондовость эта партизанская уже в печенках сидит!

— О-о! — протянул Сметанин. — Так у вас, господин Бойцов, прослеживаются принципиальные расхождения с начальником облмилиции! Нет?

— Наверное, ты прав, — нехотя кивнул Бойцов. — Что-то в последнее время все чаще и чаще общего языка не находим. В начальственность погрузился...

— Поясни.

— Да насадил везде своих партизанских дружков и покрывает их, выгораживает всегда. А у них повседневных грешков — хоть пруд пруди. Все

же начальниками стали, хоть маленькими, но начальниками. Ну и ведут себя соответственно... Не все, конечно. Но есть у него любимчики. И выпить не дураки, и посамоуправничать. Защищает, выгораживает. А что такой отец-командир потребовать может, ежели то гоголем вышагивает, то с подчиненными выпивает?.. Или вся вот эта выборность. Избирают-то чаще того, кто удобен, кто хвоста не прищепит! И все эти бесконечные собрания, резолюции, митинги!.. Да и сам любит, как бурятский божок, с важным видом на собраниях-заседаниях часами сидеть... Живым делом не занимаемся! Начнешь что-то говорить, предлагать — обрывает. Дескать, не учи отца, сами с усами, лучше сбегай туда, принеси это...

— Ты не обижайся, Иваныч, но вот, что я тебе скажу... — проговорил, дождавшись паузы и испытующе поглядывая на Бойцова, Сметанин. — Не первый день мы с тобой уже знакомы, пригляделся к тебе малость... Ну так вот... Гордеца в тебе и впрямь проглядывает. Не умеешь ты подчиняться, всякий раз норовишь по-своему повернуть... Подожди, подожди, дослушай. У всех у нас характерцы непростые, но что делать, Иваныч, приходится иногда и смолчать — начальство-то на то и начальство, чтобы командовать. Какое время на дворе, такие и начальники. А наше подчиненное дело — либо приказы исполнять, либо искать другое место. Да только хрен слаще редьки не бывает, сам знаешь, да и плетью обуха не перешибешь. Народная мудрость, Иваныч, веками отшлифованная! — Сметанин замолчал на мгновение, а потом, улыбнувшись, хлопнул Бойцова по коленке. — А по существу нашей с тобой «повестки дня» предлагаю подвести черту. Живой работы желаешь? Пиши третий рапорт. Нам штыки в угро позарез нужны, особенно такие решительные мужики, как ты. Отпустит тебя Василий Михалыч, отпустит. Вот увидишь. И давай-ка, мы лучше чайку организуем! Мне тут супруга шанег напекла, почаевничаем. А, Иван Иваныч? — Сметанин раскрыл издавший виды клеенчатый портфель, вынул чистенький узелок, распутал завязку. — Вон, любуйся, какая аппетитность! Тащи кипятку гражданин-товарищ Бойцов!

Бойцов загремел чайником и подался в коридор, где в закутке попыхивал паром небольшой водяной титан...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Молодой и гибкий паренек, затянутый в хрустящие ремни, в глаженной, побелевшей от многократных стирок гимнастерке, таких же бумазейных штанах-галифе, но зато в новых, до ослепительного блеска нагуталиненных сапогах, быстро вошел в настежь распахнутые ворота больничного

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

сквера. Приглаживая непослушные русые волосы и — со смешной, не по возрасту степенностью — щегольские усики на широкоскулом, гуранском лице, зашагал по дорожке, которую обступили старые тополя, к приземистому корпусу больницы — старинному зданию красного кирпича. В одной руке паренек нес нечто длинное и изогнутое, обмотанное чистой портяночной фланелью, другой — прижимал под мышкой фуражку военного образца.

— Яшка! Смородников! Стой, чертыка! — раздался радостный возглас справа, из-за разросшегося куста акации.

Опираясь на самодельную трость, с облупленной скамейки поднялся бывший партизанский командир бравого паренька, Абрам Иосифович, бледный и худой до неимоверности, с прорезавшими узкое лицо двумя вертикальными складками.

«Щеки-то как ввалились!» — огорченно подумал Яшка, но тут же улыбнулся во весь рот навстречу одному из самых дорогих ему людей.

— Батя!

— Какими судьбами, добрый молодец? — усаживая Яшку рядом с собой на скамейку, спросил Батя. — А справный какой, мать честная! Чисто гренадер его императорского лейб-гвардии полку!

— Ну, по лейбгвардиям, Батя, не сподобился. Мы их, наоборот, в хвост и гриву чехвостили! — Польщенный Яшка, положив на скамейку свой чудной сверток и фуражку, в очередной раз пригладил чуб. Прищурившись, загадочно улыбнулся, громко откашлялся в кулак и неожиданно встал.

— Однако прибыл я, уважаемый ты наш командир Абрам Иосифович, для важного поручения!

— Тю-ю!.. — шутливо протянул Батя. — А я-то, дурак, обрадовался! Думаю, Яшка меня, болезного, навестить пришел, про болячки мои послушать, посочувствовать... Ан нет! Яшка, да какое еще может быть больному человеку важное поручение?!

— Так это... я, знамо дело... и попроведывать... — обескураженно проговорил Яшка и тут же, спохватившись, подхватил со скамейки свой загадочный сверток. С шутливым поклоном положил командиру на колени, остро обтянутые желтоватой бязью больничных кальсон, торчащих из-под коротенького грязно-коричневого потертого халата, ощутимо пахнущего карболкой.

— Вот, значит!

— Дерите меня козы, что за диво?! — ошарашенно вскричал Абрам Иосифович, разворачивая байку. — Ого-го! Мать честная!

В руках оказался темно-зеленый, гладкий, лаково блестящий и неправдоподобно длинный огурец.

— Да-а, брат ты мой... Вот удивил, так удивил! Это где ж ты такое сокровище отхватил? — Командир жадно понюхал овощ. Огурец, правда, ничем не пах.

ОЛЕГ ПЕТРОВ

— Знаем места... — важно выговорил Яшка и счастливо засмеялся. — Это у меня, Батя, знакомый кореец на Большом Острове, у Ингоды живет. Там у него эти... как их... Теплицы и парники! Веришь, Батя, томаты уже наливаются, под стеклом! От те и макака! Ты, Батя, того... ешь огурец этот, в ем витанминов — пропасть! Дюже, говорят, от любой болезни помогает. Тебе, Батя, надобно шас особенно питаться, чтобы быстрее на ноги встать. Погоди, завтра я тебе еще картохи молодой котелок притараню!

— Яша, Яша! — укоризненно покачал головой командир. — Ты совсем сдурел! Какая картоха! Во-первых, питание тут у нас налажено...

— Питание! — Яшка ехидно скривился.

Видел, что командиру приятна его забота, потому осмелел поболе.

— Ага, вижу я, каково тут у вас питание! Ты, Батя, чистый шкилет стал, в самый раз костями греметь! Да я у корейца тебе витанминов...

— Яшка, не зли! — Абрам Иосифович свел брови. — Говорю, что кормят нормально, значит так и есть. Это, как сказал, во-первых. А во-вторых, дело на выписку идет. Не сегодня завтра уже и выхожу...

— А про это, Батя, я знаю! — самодовольно надул щеки Яшка, вытянув ногу, полюбовался глянецом на сапоге. — Посему-то, Батя, насчет особо важного поручения и прибыл!

— Ну-ну... Давай, добрый молодец, сообщай, а то вконец уже я от любопытства измучился! — рассмеялся негромко командир.

— Я теперича, значит, Батя, состою на военной службе.

— Ого! Народоармеец, так, что ли?

— Именно! — важно кивнул Яшка. — Но не просто там абы как! А порученцем при товарище военминистра!

— Я же говорю — чисто лейбгвардеец! — хлопнул себя ладонями по коленкам Абрам Иосифович.

— Да ладно тебе, Батя, — обиженно отвернулся Яшка. — Как был язва, так и есть!

— Не сердись, Яша, сам же знаешь: воду на сердитых возят! Ну что с большого взять?.. — смеясь, ткнул парня в плечо парня бывший командир. — Рассказывай все по порядку.

Умиротворенный Яшка повернулся к Абраму Иосифовичу.

— Дело сурьезное, Батя, хотят тебе поручить по выздоровлению. Велено, как отсюда выпишут, прибыть тебе в моботдел Военного министерства для откомандирования. Вот! — Яшка выпалил все на одном дыхании, шумно перевел дух.

— Та-ак... Откомандирования, значит? И куда же это? — Батя удивился не на шутку.

— Вот чего не знаю, того не знаю, — почему-то шепотом ответил Яшка.

— Понятно... — протянул Абрам Иосифович.

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

— Чего? — С непонимающим видом Яшка уставился на бывшего командира. — Так ты, Батя, знаешь? И куда это?

— А чего тут, Яшка знать! Меня нынче хоть куда откомандировывай — не боец...

— Но, Батя, это ты зазря! — принялся успокаивать Яшка.

Но глядел с жалостью — оптимизма нынешний вид бывшего командира не внушал.

А тот ничего не отвечал, криво усмехаясь сквозь густо побитые проседью усы, с прищуром смотрел на Яшку и поглаживал дареный огурец — гостинец от своего бывшего ординарца.

Еще лежачим, на неудобной и короткой для него больничной кровати, Абрам Иосифович то и дело гнал от себя подступающую к сердцу тревогу — переживал, что по ранению могут и комиссовать.

Рана была застарелая, недолеченная. Сутками в седле, ночевки у костра на стылой земле — все сказалось. Рана открылась, а потом подцепил еще и воспаление легких! Нянечка недавно поделилась с ним, от доктора таючись, что выходить его и не надеялись.

Да чего уж там! Даже сейчас, перед выпиской, чувствовал себя Абрам Иосифович неважнецки. И внешне — краше в гроб кладут. Поневоле начнешь по поводу комиссации переживать. Вот и Яшка, ишь, успокаивать прибежал. Однако совершенно непонятно, что это за откомандирование ему предстоит? Хотя, чего там гадать, скоро все прояснится...

Без седла и пашки Абрам Иосифович себя не мыслил. Привык за минувшее грозное время. Вот только несколько этих последних, мучительных от болей месяцев уже приучили к мысли, что военная песенка его, по всей видимости, спета.

И совершенно не представлял свое гражданское занятие. Но, видимо, что-то ему нашли, коли Яшка с поручением нагрянул.

В этот вечер Абрам Иосифович впервые уснул быстро и спал всю ночь хорошо, спокойно...

После выписки, пару дней отлежавшись у Яшки дома, он явился в Военмин.

Неразговорчивый, страдающий одышкой служащий, явно из бывших чиновников, протянул ему предписание — явиться на следующей неделе, во вторник, к товарищу министра внутренних дел Иванову.

— Его, случаем, не Михал Данилычем кличут? — попытался Батя разговорить хозяина кабинета.

— Он самый, — буркнул чиновник. — Не смею задерживать...

С тем Абрам Иосифович и вышел из приемной Военного министерства. Остановился на углу, молча обвел глазами серую громаду бывшего Горного управления, где теперь располагались Военмин и Главштаб ДВР. Чего это ему почти неделю судьбы ожидать!

И решительно направился на Большую, куда и было предписано, — в Минвнудел.

Предстоящая беседа с товминистра Ивановым воспринималась как ненужная проформа. Все равно же с ним уже определились, чего в высоком кабинете утешать!

Об Иванове он был наслышан, но встречаться не доводилось. Знал, что в Приморье нынешний товарищ министра командовал партизанской разведкой, то есть в переделках побывал всяких. Чем нередко разведчики сильно кичились, задирали носы. И кто знает — нынче стал Иванов большой шишкой, — сколь это ему норова добавило.

Больших начальников Батя не переваривал. Власть, как давно известно, людей портит, а власть военная еще и ожесточает, убивая в ее носителе умение переживать чужую беду, прислушиваться к другому мнению. Зачем оно, чье-то мнение, если действует принцип единоначалия, а начальник — ты?

Это Батя по себе знал. Иногда приходилось столь глубоко закапывать свое командирское самолюбие, так наступать себе на горло... А бывало, и не раз, что и его заносило, хотя и поменьше, чем других. Наверное, потому, что в жизни своей не только командирства попробовал...

За свои сорок два года Абрам Иосифович прошел такие горнила, что хватило бы и на десятерых.

Он был полной противоположностью отцу, незаметному, вечно сторбленному портному Иосифу Абрамову, дневавшему и ночевавшему в полуподвальчике с грязными окошечками, через которые были видны, вместо синего неба, только шагающие, плетущиеся, прихрамывающие, бегущие и подпрыгивающие ноги.

За гроши обшивал сутулый еврейский портной такую же гольтьбу, что и сам из себя представлял. Абрам уже ушел из дома, когда отца прибрала чахотка.

И то это ему случайно рассказали чужие люди, потому как связи с родными Абрам не поддерживал. Что случилось с матерью, сестрой Софочкой и братцем Мишаней, не знал, пока не вернулся с каторги.

А на каторгу попал как террорист и бомбометатель. Схватили его в девятьсот шестом, когда не жил — существовал, скрываясь после раздольного вихря девятьсот пятого года, баррикад и перестрелок с городскими.

Счастье Абрама, что ничего при нем не было, даже вида на жительство. Когда бы размотали его клубочек!.. А так — именем своим назвался, за которым ничего не числилось. Среди бомбистов и на баррикадах известен он был под прозвищем Барс, за сумасшедшую смелость свою и неумность. Благо, не пронюхали ищейки! Посему отделался пятериком каторжных работ. Посчитали, что голодному и завшивленному долговязому еврею

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

и такой срок до могилы изряден. Посчитали да просчитались! Выжил он, прошел-прогрызся через грязь и мрак!

Боевое свое прозвище вспомнил, когда началась мобилизация на германскую. В воинском присутствии гоготали над двойной фамилией добровольца-верзилы. Барс-Абрамов! Го-го-го! Еврейский «лыцарь»! Витязь, мать твою, в тигровой шкуре! Уморил, зараза! Да еще, это надо же — чтобы жид добровольно на передовую пер! Цирк!

— И куда же ты, тигра халдейская, определение свое видишь, ха-ха-ха!? — не мог остановиться призывной воинский начальник. — Моget тебя, Барса, мать ети, к ероплану привязывать и на германца сбрасывать, а ты его — когтями, когтями!

Про недавнее каторжное прошлое в призывной комиссии не ведали. К тому времени под новую двойную фамилию Абрам новую биографию придумал, а через старых боевых друзей, уцелевших на воле, получилось и новые документы выправить.

Все шло к тому, что опять бы он, наверное, вернулся на стезю бомбиста и подпольщика, но почти в самом начале войны произошло то, что толкнуло Абрама на слепую и страшную месть.

При обстреле германский снаряд, выпущенный из тяжелой дальнобойной пушки, оставил вместо той халупы, где жили после смерти матери сестра с братом, лишь огромную воронку, в которой стояла ржавая вода. В одночасье Абрам лишился всех родных, включая незнакомых ему племянников и невестки — детей и жены братца Мишани, перенявшего отцовское ремесло. Снаряд ударил под утро, когда все еще спали. Портновская мастерская в полуподвальчике осталась без хозяина, и вскоре там поселились какие-то беженцы.

И тогда Абрам решил на добровольную мобилизацию. Он хотел на германскую войну! Потому балаганный и оскорбительный разговор в воинском присутствии перетерпел.

Определили Абрама Иосифовича Барс-Абрамова, из мещан, в пластунскую роту 1118 Кенсгольмского полка. И пошло-поехало! Известно же, кто они такие, пластуны! Карабин коротенький, тесак острый, — и под покровом темноты на неприятельскую передовую, за призом!

Спустя пару месяцев над двузвучной фамилией Абрама уже никто не ерничал. Первая медаль в роте у него — на георгиевской ленте, «За храбрость»! А потом и унтер-офицерский чин! Немецких семей немало осиротил, пока остыл в мести своей...

Известие из Петрограда об отречении царя встретил подпрапорщиком с солдатским Георгием 4-й степени на груди.

«Штык — в землю! По домам!» — это кричали другие. Думать, где он, его дом, Барс-Абрамову не приходилось, а прямота и конкретность военного дела были ясны и понятны.

ОЛЕГ ПЕТРОВ

Ярость боя, сиюминутная рулетка «жив — убит» магической силой увлекали Абрама. Он чувствовал себя нужным на поле боя, за треногой сотрясающегося «максима», ему была необходима остервенелость истошного «Уа-а-а-а-р-ра-а-а!!!», сменяющаяся глухим хеканьем штыкового боя, вдвойне жуткого своей молчаливостью и кровавостью. Ему уже было нужно это екающее содрогание всех внутренностей при гулком орудийном залпе, в бешеном галопе кавалерийской лавы, в визге шрапнели и храпе рухнувшей лошади, захлебывающейся черной кровью...

Еще при этих временных перевертышах — львовых-гучковых, Барс-Абрамова избрали полковым командиром. При истеричных комиссарах Керенского он принял сторону большевиков, безраздельно, не задумываясь. Мятеж Корнилова на многое открыл глаза. А потом был октябрь, сумасшедшая и счастливая питерская ночь, охрана Съезда Советов, оборона Петрограда от немцев и Краснова... И завертела, закрутила вновь свинцовая метель!

Высоко мог бы подняться по военной лестнице Барс-Абрамов, уже собирался дивизию принять. Но оказался вместо этого на госпитальной койке, после тяжелого ранения и контузии. По выздоровлении — служебная командировка на восток, в Забайкалье, к Лазо.

Поначалу очумел — партизанщина! Но вскоре на Амурском фронте самолично возглавил летучий отряд и понесся по японским тылам!

Помотала судьба боевая! Особенно в ту тяжелую пору, когда за Благовещенском в тайгу уходили, огрызаясь от наседавших на пятки золотопогонников, а потом мотались по таежным увалам, совершая изматывающий переход до Витима, где зимовали на охотничьих заимках, кормились чем попадя.

Но зато весной снова слились в ручейки, с сопок багульных стекая в укромные пади, формировались в полки, — и покатила грозный партизанский вал!

Эх, если бы не раны... В седле бы по-прежнему качался он, Барс-Абрамов, а не валялся на больничной койке! И это в такое время, когда япошек столь ощутимо поперли с Дальнего Востока!

М-да... Вышло — и вовсе от военной службы уволили, раз в Минвнудел послали...

«Это что же, поставят из кабинета городскими командовать? Пардон! Не пойду! Не для того столько пройдено! Я — человек военный, а не жандарм какой-то, пусть и в Дэвээрии! Да я еще!.. Рано списали! Надо будет — до военного министра дойду!» — раздраковивал себя по дороге Абрам Иосифович, зарываясь носками сыромятных мягких сапожек в песок, которого на любой читинской улице в избытке. Похожие на ичиги сапоги носил после ранения в ногу, да и не было у него другой обуви, не избаловался за время командирства.

С самыми невеселыми мыслями доплелся Барс-Абрамов до Большой, потянул тяжелые двери. И оказался в прохладном и темном вестибюле, из которого направо и налево в глубь здания уходили такие же темные коридоры.

У входа, за столом, сидел вихрастый парень в косоворотке, но с револьверной кобурой на боку. У стены на столе тускло горела настольная лампа под зеленым стеклянным абажуром, возвышался телефон, лежала толстая амбарная книга.

— К кому, гражданин? — строго спросил вахтер, настороженно глядя на Абрама Иосифовича.

Тот молча протянул выданное в моботделе Военмина предписание. Парень долго разбирал написанное, шевеля толстыми губами, потом степенно пробасил:

— На второй этаж, кабинет 107. Я тебе, товарищ, пропуск выпишу.

Вахтер раскрыл амбарную книгу, в которой закладкой лежала тощая узенькая книжечка пропусков, долго, каракулями заполнял корешок пропуска, потом сам пропуск. Наконец, оторвал его и протянул посетителю.

— По калидору, товарищ, налево, до лестницы, там — наверх и опять налево, как упруешься в переборку, там и будет...

Но в приемной, отгороженной от коридора фанерной переборкой, миловидная женщина средних лет указала Абраму Иосифовичу на венский стул.

— Посидите, пожалуйста. Михаила Даниловича вызвали к Предсовмина, но они скоро будут...

«Ишь ты, какая фифа! — неприязненно оглядел секретаршу Барс-Абрамов. — И где только этому учат — “они скоро будут”! Как будто этих ивановых тут минимум пара!»

Ожидание затягивалось. Заныла спина, потом засвербило раненую ногу, хотелось поудобнее усесться на жестком стуле, переменить положение...

— Героическому командиру — почет и слава! — раздался вдруг знакомый голос.

Абрамов обернулся, невольно вставая, и увидел располневшего, в неизменных круглых очках, Сокол-Номоконова. Боевые друзья крепко обнялись.

Вышли в коридор, к лестничной площадке, задымили номоконовскими папиросами. После сетований по поводу крайне исхудалого вида Абрамова, Василий Михайлович рассказал старому соратнику о новой своей должности, милицейских нуждах и заботах, о том, что многие из общих партизанских знакомых пошли на службу в милицию. Последнее несколько приободрило Барса.

ОЛЕГ ПЕТРОВ

— Не робей, паря, — гудел Сокол-Номоконов. — Если тебя к самому Иванову вызвали, должность будет предложена ответственная, ничуть не хуже твоего командирства, а то еще и повыше!

Сокол-Номоконов многозначительно поглядел на товарища, выдерживая паузу для придания своим словам большей солидности.

Но Абрам Иосифович до конца значимости сказанного оценить не успел — на лестнице показался немолодой мужчина, при виде которого Василий Михайлович поспешно принялся разгонять рукой папиросный дым.

— Здравствуйте, товарищи! — подошедший поздоровался с обоими за руку. — Ко мне?

— Точно так, Михал Данилыч! — пробасил Сокол-Номоконов. Из чего и дурак бы догадался, что товарищ министра Иванов прибыл собственной персоной.

Прошли в кабинет, просторный, но пустой. Скромный двухтумбовый стол, диван, обитый потертым дерматином, несколько таких же, как в приемной, стульев.

Через пару минут, получив от Иванова резолюцию на какой-то документ, Сокол-Номоконов попрощался, взяв с Абрама Иосифовича слово сегодня же вечером быть у Номоконовых к ужину.

Басок начальника облмилиции еще слышался в приемной — с кем-то там заспорил, — а Абрам Иосифович уже взял быка за рога:

— Уважаемый Михаил Данилович! Я тут, вас дожидаясь, со старым боевым другом малость успел переговорить, он нынче такой высокий пост в милиции занимает, что про многое просветил. Работы, вижу, хватает у вас, и кусок нелегкий. Но, поймите! Все-таки я — человек военный, к тому же, считаю, что предписание выдано мне ошибочно. Не разобрались, бюрократы чертовы! Надо — я к самому Блюхеру пойду!.. Ну не мое это дело — какими-то околоточными заведовать! Я — боевой командир!..

Абрамов злился. Он видел, что Иванов, молча выслушивающий его тираду, еле заметно улыбается. Понимает, мать его, что командир-то с него, Барса, нынче никакой!

— Улыбаетесь! Ага, значит! Кипи, мол, самовар!..

— Абрам Иосифович, дорогой ты мой. Наоборот! Все правильно говоришь, только текущий момент определил неверно! — прервал его гневную тираду Иванов.

Поднялся из-за стола, быстро зашагал по кабинету, от стола — до двери, от двери — до стола.

— Что ты, Абрам, боевой и способный командир, я знаю. Больше того, убежден, что большой пост в Нарармии тебе доверить было бы самым правильным. Думаю, что и товарищ Блюхер такого же мнения. Кстати,

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

никто ведь тебе и не запрещает к нему со своей просьбой обратиться... Но есть ли резон, дорогой товарищ Барс-Абрамов?

Замерев напротив, Иванов пристально, прямо в глаза, на Абрама уставился. А тот вдруг поймал себя на мысли, что ведь не со шпаком, пороха не нюхавшим, разговор ведет. Сокол-Номоконов про Иванова ему много интересного порассказал, пока перекуривали. Три Георгия получить в германскую — однако!

И запал у Абрама стал понемногу проходить.

— Вот ты мне сам ответь? — продолжал Иванов. — Каков резон? Я не говорю, что врачи могут и белым билетом пригрозить. Понятно, что от эскулапов ты вскорости отобьешься, как малость на харчах подымешься. Но, батенька дорогой, война-то, почитай, заканчивается! Только с кем? Правильно, с белой и желтой сволочью! А знаешь ли ты, Абрам, что другая война уже идет? На те, к которым ты привык, непохожая! Думаешь, пьяный Ванька с кистенем самодельным ограбил парочку новоиспеченных буржуев — и амба? Нет, батенька, сотни их, мародеров, грабителей, убийц и воров! И вооружены до зубов! Во всей милиции, веришь ли, трехлинеек — раз-два и обчелся, до сих пор в основном берданки и смит-вессоновские ржавые револьверы, а бандит из-под полы колыт самозарядный тьянет или маузер, с карабином на тракт выходит, ручную бомбу, не раздумывая, швыряет в людей!

Иванов снова резко заходил по просторному кабинету.

— Наверное, Абрам, ты уже достаточно наслушался, что народ-то говорит? Правильно! Чехвостят власть и милицию за то, что беззубые мы! От японцев отбились, от Семенова и прочих, а тут... У людей — страх неимоверный перед бандюгами, а в милицию веры, увы, совсем мало. Да нам, друг ты мой, позарез, слышишь, позарез нужны командиры и бойцы, огонь и воду прошедшие, которых люди знают и уважают, которым верят! Если такой пришел народ защищать — защитит? Защитит! Люди обязательно в это поверят, а если поверят — бояться перестанут, будут помогать с преступниками бороться. Или я не прав?

Иванов присел рядом с Абрамовым на диван.

— Сам знаешь, что прав. Но не только об этом думаю. Милицию формируем, много молодежи необученной. Не имеем мы права их под бандитскую пулю или нож подставлять — научить сначала обязаны! Согласен со мной? Вот! Ну и скажи тогда мне, батенька дорогой, а кто новичков боевому делу обучать будет, дисциплине военной, чтобы, как и в бою, не стала расхлябанность или неумелость причиной поражения и гибели, а? Или, может, мне бандеролями из Советской России таких инструкторов присылают?

Иванов поднялся с дивана, вернулся к столу, уселся, шумно двигая стулом.

— Скажу тебе, Абрам Иосифович, две вещи. Первое. Положение с преступностью в Республике крайне серьезное. Поэтому даже закон принят, что все служащие милиции, как внутренней охраны государства, считаются мобилизованными наравне с призванными в Народно-революционную армию. Так-то вот. И второе. Имею я, Абрам Иосифович, очень серьезные виды на тебя. Извини, что в начале нашего разговора слукавил... Да не вскидывай ты так голову! Это я про Блюхера. Мы с министром, товарищем Матвеевым, были у него недавно. Как раз с просьбой об укреплении милиции командирами и бойцами НРА. В чем нам не отказали! Понял? Нет? Да я к тому, батенька дорогой, что Евгений Михайлович самолично Василия Константиновича за тебя просил. Он тебя здорово помнит!..

Барс-Абрамову было приятно, что за своей высокой министерской должностью Матвеев не забыл их совместное участие в боях на Восточном фронте.

А Иванов продолжал:

— По твоей кандидатуре выбор не случаен. Евгений Михайлович в курсе, как тебя старая рана и лихоманка прихватила. Сожалеет. И не раз мне говорил, что не встречал более толкового и волевого командира, у которого всегда дисциплина среди бойцов была на высоте, как бы там ни поворачивала удача. Ни дезертиров, ни паникеров, ни мародерства! Так? Так... Вот и взяли мы тебя до выздоровления на заметку. Дело в том, что собираемся создать милицейскую школу. Конечно, это в перспективе, пока лишь курсы трехмесячные. Но милицейскому делу будем учить по-военному, чтобы, как в добром строевом полку: распорядок, дисциплина, строевая подготовка, субординация! Чтобы сразу, с первого дня, любую разболтанность и разгильдяйство закрутить на тугие гайки! И вот тут-то, батенька дорогой, очень ты нужен! Посему должность тебе предлагаю наи-ответ-ствен-ней-шу-ю! — произнес товарищ министра чуть ли не по слогам. — Предлагаю эту будущую милицейскую школу возглавить! Пока там бывший помощник начальника Прибайкальской милиции Добронравов занимается, первый набор в полсотни курсантов сформировал. Вот тебе и заместитель готовый. Ну что скажешь?

А что мог сказать Абрам Иосифович? В логике Иванову отказать было трудно, все по полочкам разложил, напористо и убедительно. И как человек, он Абрамову понравился. Несмотря на свой высокий пост, мужиком оказался простым, свойским, с понятием.

А уж чем вовсе напрочь убил, так это пересказом про состоявшийся разговор двух министров, Матвеева и Блюхера, про него, Барса-Абрамова. Вот, значит, как! Рассчитывают на него в новом деле!..

Они еще долго беседовали. О том, какой видится будущая школа, где ей выделили помещения, как организуется снабжение и обеспечение процесса учебы.

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

Потом, здесь же, в кабинете Иванова, Абрамов написал заявление: «Прошу зачислить меня на имеющееся вакантное место начальника инструкторских милицейских курсов». Поставил подпись и дату — 28 июля 1921 года.

Но одно условие товарищу министра оговорил — выпустит он, Абрамов, первый курсантский набор и полномочия начальника школы сложит, ежели здоровье у него в улучшение не придет, потому как командовать с лазаретной койки он не привык и не желает.

3

Четыре дня спустя во дворе здания бывшего епархиального училища, что расположилось на углу Троицкосавской и Мариинской улиц и теперь было отдано под милицейскую школу, перед строем первого набора — пятьюдесятью курсантами, обмундированными во все новое, вплоть до сапог, был зачитан приказ № 1:

«Вступая в должность начальника милицейско-инструкторских курсов, я считаю нужным разъяснить значение таковых:

1. Курсы являются фундаментом Народной милиции, откуда должен выйти дисциплинированный, примерный, главное — верный народу, инструктор Народной милиции, который должен стоять на защите интересов трудящихся масс.

2. Курсы должны создать стойких и преданных народу и Правительству ДВР инструкторов Народной милиции с новыми народными принципами. Знайте, что на вас ляжет вся тяжесть реорганизации Народной милиции, где еще и по сие время есть примазавшийся элемент, со старыми полицейскими замашками, которые нужно изжить, ибо ему среди милиционеров-граждан места нет.

Я уверен, что вы, сознательные сыны народа, пойдете навстречу стремлению народной власти, избранной Учредительным собранием, чутко и бдительно будете сохранять внутренний порядок и спокойствие Республики, борясь неустанно и честно с врагом народа, как политическим, так и уголовными преступниками.

Начальник Центральных милицейских инструкторских курсов
АБРАМОВ».

В тот же день газета «Дальне-Восточный телеграф» опубликовала

«ОБЪЯВЛЕНИЕ

Начальника Центральной Милицейской
Инструкторской Школы

С 1 августа с.г. открыт прием в Центральную Милицейскую Инструкторскую Школу. Принимаются граждане не моложе 18 лет, физически здоровые, вполне грамотные и состоящие в подданстве Д.В.Р. Каждый поступивший в школу снабжается казенным обмундированием и довольствием

ОЛЕГ ПЕТРОВ

(ударный паек). Срок обучения в школе не менее 3 месяцев. Окончившие школу обязуются прослужить в милиции Д.В.Р. не менее одного года. При успешном окончании курса назначаются на командные должности Главным Управлением Народной Милиции. На курсах преподаются: Строевое обучение, грамотность, Уголовное право и процесс, Конституционное право, Общие милицейские обязанности и политическое воспитание.

Прием прошений производится в Главном Управлении Народной Милиции (Чита, Енисейская ул., дом Беркович).

Начальник школы Абрамов».

Объявление о наборе в милицейскую школу, как и публиковавшийся по главам в начале сентября, в том же «Дальне-Восточном телеграфе», только что принятый «Закон о милиции», произвели заметное впечатление на забайкальцев.

Все это указывало на устанавливающийся государственный порядок. Население обрело, хоть и робкую, но надежду, что за усмирение уголовщины власть берется всерьез.

— Пожелаю успеха на новом поприще, — подошел после одного совещания, где Барс-Абрамов вновь поднял вопрос о недостаточном материальном обеспечении милицейских курсов, важный и лощеный начальник снабжения Главупра Антонов. — Начинал я когда-то это дело... Ох, и неблагодарная работа! Какого только сору не собирается. Некоторые только ради пайка да обмундирования...

— Разберемся, — отрезал Абрамов, еле сдержавшись, чтобы не послать Антонова подальше. Тот еще чинуша! Снега зимой не выпросишь. В октябре—ноябре минувшего двадцатого года Антонов действительно возглавлял первую учебную команду милиционеров, а потом его утвердили начснабом Главупра. Освоился на тыловом поприще за минувший неполный годок: приемная, секретарша, без доклада которой к главному снабженцу не прорваться. Зато какие-то непонятные и скользкие личности туда-сюда снуют, как у себя дома... Поговаривали, что «особый подход» к Антонову требуется, всех поделил на своих и чужих. Первые — с руки кормятся, вторые — пасынки, этим — что останется, крошки со стола. По крайней мере Абрам Иосифович не мог припомнить случая, когда даже оформленная по всем правилам заявка, изобилующая полным набором необходимых резолюций, удовлетворялась Антоновым полностью, обязательно что-то урежет, а то и вовсе мог развести руками, мол, никакой возможности не имеется-с.

4

Изучая поступающую на имя начальника областной милиции почту, Иван Иванович Бойцов видел, что все больше и больше граждан искали у милиции защиты, сообщали о беспорядках. Люди хотели спокойно жить и работать, растить детей, любить.

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

Убеждался Бойцов и в том, что не все из бывших полицейских чинов, адвокатов и юристов встречают с неприятием рождение Народной милиции. Приходили и предлагали свои услуги. После проверки на благонадежность некоторых привлекали к работе в качестве инструкторов на местах, в уездных и волостных милициях.

Преподавали старые «спецы» и в Центральной милицейской школе.

В общем, совсем неудивительным было прочитать на газетной странице, среди объявлений типа «Продается 2-цилиндровый в 3 с половиной лошадиной силы мотоциклет французской фирмы "Пежо"» или среди сонма афишек хиромантов-физиогномиков, академиков оккультных наук и футурографологов, и такие строчки: «Гражданином М.М. Немеровым пожертвовано Центральному Управлению Уголовного розыска собрание книг по тюремоведению и уголовному сыску». Народного милиционера люди хотели видеть профессионально грамотным, способным пресечь мутную и кровавую волну бандитизма, захлестывающую ДВР.

На столе у Бойцова лежала потертая коленкоровая папка, куда он собирал газетные вырезки о происшествиях в Чите за месяц.

Иван Иванович с болью и горечью посмотрел на это хранилище свидетельств того, что по читинским улицам ныне опасно ходить даже днем. Более того, и в собственном доме никакого спокойствия и безопасности не жди:

«В ночь на 2 сентября, на Сенной площади в д. Варгуна неизвестными грабителями зверски убиты содержатель столовой кореец А.Ф. Ким, его жена К.С. Меньшикова, горничная А.Ф. Галеш, квартирантка Е.К. Даманова, заведывающий хозяйством столовой — кореец и неизвестный, одетый в военную форму. Явившиеся утром на место убийства судебные власти застали следующую потрясающую картину: все 6 человек, павших жертвой от рук убийц, были изуродованы и валялись в луже крови. В углу стояла, по всей вероятности, оставленная убийцами кайла. Убийство было совершено с целью грабежа».

«УБИЙСТВО ЦЕЛОЙ СЕМЬИ. В 8 часов вечера 8 сентября неизвестными убиты с целью грабежа супруги Крыловы, с 11-летним сыном, проживающие по Петровско-Заводской улице в доме Щастина.

«ТРУПЫ. Днем 8 сентября в стороне от городской бойни, саженьях в 50 от трактовой дороги на Песчанку обнаружены два трупа китайцев, убитых неизвестными».

«ВООРУЖЕННОЕ НАПАДЕНИЕ. В 12 часов дня 8 сентября на квартиру Керсановой, в Кузнечных рядах, совершено неизвестными вооруженное нападение с целью грабежа. Похищено вещей на 60 руб. и 10 руб. золотом».

«ТРУП. 12 сентября, в лесу между Мариинской и Ивановской ул., в полутора верстах от Ново-Бульварной улицы, обнаружен труп неиз-

вестного, на вид лет 28, в разных местах туловища которого — двадцать ран, нанесенных, по-видимому, штыком и пашкой. Возле трупы найден револьвер системы "Браунинг", за № 263769 с патронами».

«ДЕРЗКОЕ ОГРАБЛЕНИЕ. 15 сентября в 2 часа дня в магазин Забайкальского акционерного общества по Коротковской улице вошло несколько вооруженных бомбами и револьверами людей и потребовали выдать им кассу. Напуганные служащие повиновались приказаниям грабителей, которые помимо 1000 зол. рублей кассовой наличности забрали и все ценное, что имелось у служащих и покупателей. Закончив "дело", грабители заперли всех присутствовавших в магазине и скрылись. Ограбление поражает своей дерзостью особенно потому, что совершено среди белого дня на одной из самых людных улиц в соседстве с помещением Совета Министров, где всегда имеется вооруженная охрана».

«ДЕРЗКОЕ НАПАДЕНИЕ. Поступило от Васильева заявление о том, что в ночь на 18 сентября при возвращении его из Жуковского сада домой в сопровождении знакомой Ильиной, на углу Баргузинской и Бульварной на них напали два злоумышленника, из которых один потребовал от Васильева документы и, не получив таковых, выстрелил в него в упор, но промахнулся. Васильев притворился мертвым, злоумышленники схватили Ильину и утащили ее в лес, где нанесли огнестрельную рану в правый бок, сняли с руки перстень и скрылись».

«ВООРУЖЕННОЕ НАПАДЕНИЕ. Около 1 часу дня 27 сентября на следовавших в гор. Читы крестьян, в числе до 13 чел. в лесу на Шамановском хребте, напали из засады неизвестные вооруженные, до 12 человек, обстреливая их. Вместе с крестьянами ехал помощник начальника Читинской гор. милиции для поручений Лукьянов, который вступил в перестрелку с грабителями и последние скрылись в лесу.

В тот же день на жителей Титовской станицы Ахметзянова и Ди-фу-ги, занимающихся скотопромышленностью, на 4-й версте за поселком Чита-1, напали четверо неизвестных, вооруженных винтовками, на лошадях, отняли у них 11 голов купленного рогатого скота, одну лошадь с седлом, черную романовскую шубу, сапоги и шляпу всего на 2075 р.».

«В ночь на 1 октября в дом Георгиевского по Песчанской ул., уг. Ивановской, явились двое неизвестных злоумышленников, вооруженных револьверами в масках; влезли на сеновал, находящийся во дворе, где спали эмигранты из Америки Никифор Мищенко, Алексей Рево и Роман Каузаев, осветили сеновал электрическими фонарями, скомандовали "руки вверх, ни с места" и забрали у них двое карманных часов, 1650 руб. золотом и долларами и 8 руб. серебром, после чего скрылись».

«4 октября, около 9 часов вечера, совершено вооруженное ограбление 4-мя неизвестными в военной форме — вооруженных винтовками и один из них — револьвером "Наган", — мелочной лавочки на уг. Александров-

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

ской и Камчатской ул. в доме Брикман, принадлежащей китайскому подданному Ван-син-лин. Похищено разного товара и имущества на 847 руб. 20 коп. и деньгами золотом 105 руб.».

Старая коленкоровая папка разбухала день ото дня. И не столько от новых вырезок, сколько от ехидных, а чаще откровенно злых репортерских комментариев по поводу очередной уголовной выходки, очередного кровавого преступления. Разбухала папка. Впору вторую заводить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Эх, Чита — чи не та! Столица развеселая! Китайской «ханьки» — хоть залейся, были бы деньжата! Шумит-гудит столица «буфера». На Амурской улице правительство заседает, протоколы пишет, законы принимает, а на квартал выше да на квартал дальше — на старом базаре — шило меняем на мыло, пироги с требухой, орешки кедровые, рыбка озерная! Были бы деньжата...

Деньжата, знамо дело, оборот совершают. Купчин и деловых людшек повылазило — как при царе-батюшке. Инда бились, стало быть, с япошками и семеновцами, не жалея крови и живота своего, а на хрена бились-то?! Бары и мадамы заново фланируют по дощатым тротуарам, звенят хрусталем в расплотившихся ресторациях, двери которых по-старорежимному стерегут галунные швейцары с окладистыми бородами, привычно окликающие извозчиков для покидающих застолье парочек и громкоголосых компаний, накушавшихся бефстрогановых, красной рыбки и налакавшихся «чуринской» — аки слеза! — водочки.

...Наслушался Филипп проклятий в адрес новых властей, пока из Хабаровска до Читы добирался. Длинной оказалась дорожка. Правдами-неправдами — в несколько месяцев. И ночевал, где придется, и жрал, что попадя, и крал, и грабил, ехал на вагонных крышах и шел трактом. Даже на пару недель у вдовушки-амурчанки пригрелся в примаках — отъедался.

Чита Филиппу — город чужой, холодный. Но в родные иркутские края тяги у него никакой. Вот где уж точно — полный амбец, тока глаза покажи. Это на сахалинской каторге двенадцать лет — как вся жизнь, а для родни зарубленной топором супруженницы — что вчера. Разорвут, собаки...

Загремел на сахалинскую каторгу Филипп из-за бешеного своего нрава. По пьяному делу, войдя в яростный кураж пуше обычного, зверски убил жену законную. Полуживого, с переломанными кольями ребрами и выбитыми зубами, черного от кровоподтеков, отняли его полицейские

служки у односельчан. Оклемався малость в тюремном лазарете и побрел, звеня железом кандалным, по этапу на Богом проклятый остров.

Когда март семнадцатого распахнул настежь ворота тюрем и прочих каталажек, докатившись и до Сахалина, у Филиппа Цупко осталось позади двенадцать долгих лет изнурительного труда до кровавого пота, ежедневных унижений, неистребимого запаха и вкуса баланды из гнилой капусты с протухшими рыбьими головами.

Понятное дело, подался, как и прочие экс-арестанты, на материк. А дальше — куда глаза глядят. Неизвестности и нищеты Филипп не боялся, острогом тоже уже пуган — не страшно. Да и чего бояться — на руках столько крови и грязи, что ни страха, ни угрызений совести он уже давно не испытывал. Какая совесть у варнака каторжного — Бог обнес!

Но катил на вагонной крыше или топал трактором Филипп не бездумно. Зацепка одна имелась, хотя и призрачная: верстах в пятидесяти к востоку от Читы в довольно большой деревне Маккавеево, одновременно являющейся станцией на Великой Сибирской железной дороге, обитал в былые времена дружок Гоха.

А дело-то и дружба Фили и Гохи срослись еще в забытом уж нынче одна тыща осьмсот девяносто седьмом годе.

Оказался Филя, молодой и ловкий, на байкальской станции Слюдянка — возили ватагой свежую шпалу для железнодорожных работ из своего лесного улуса. Разговелись как-то там под малосольный омулек с забайкальским мужичками, торговцами спиртишкой китайским. Перезнакомились. Оказалось, они этим спиртишкой не только приторговывают, но и шныряют за ним к китаезам. Дело прибыльное, жить можно. По сельским забайкальским меркам, вполне припеваючи, — знамо дело, не роскошествуя барином. Но контрабанду таскать — занятие артельное, тут в одиночку не много откусишь. Гоха маккавеевский «артель» и сколотил. Вот в энтую-то «артель» как раз по случаю Филипп и вступил.

Так и появились у Филиппа два друга, под Читой проживающие. Один, стало быть, Гоха маккавеевский, а другой, паренек-парниша, молодой, да уже не по годам третий, разбитной и шустрый, крепкий в кости, с увесистыми кулаками, нраву горячего, но и весельчак в компании, заводила — Коська из Новой Куки, которая, как и Маккавеево, тоже на «чугунке» стоит, но от Читы с запада.

С «артельщиками»-друганами своими опосля не раз и не два хаживал Филя за кордон, на китайскую сторону по делам контрабандным. И не только спиртишкой маньчжурским промышляла «артель». Поднаторели и в угоне лошадок. Почитай, годков восемь, до чертовой каторги, годом да родом появляясь в родной деревне, Филипп вместе с Гохой и Коськой удачно занимался конокрадством и контрабандой — до кандалов дело не дошло. С ранней весны до крепких, стойких осенних заморозков «трудилась артель».

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

А зимой жирок нагуливали на печи, навар проедали-пропивали. На то и обженились, чтобы в одиночку зимними вечерами лучину не палить, а завалиться на тюфяк под лоскутное одеяло да помять горячее бабье мясо от души.

Но баба-то что? Так дура, едрить-тя в корень! Ассигнацию мужик дает, харчи имеются — лезь на печь да ляжки раскидывай. Ан нет! Про хозяйство разговоры заводит, про детей. Дура... Кабы молчала да под мужиком охала, а то норов давай казать: дескать, тебе, кобелю, только и подавай — жрать да драть. И еще срамну болезнь от китаез приволок-наградил. А чо она, дура, думала: полгода яйца лопаться должны?! И чо такова приключилось? Сбегай к старухам в край села да выпроси отвару... Ан нет! Совесть вздумала, курва! На всем готовом и — совестить! Хотя... Кабы не пьяный кураж, да не подвернувшийся под пятерню топор...

Филипп надеялся, что никуда за эти годы Гоха не делся, потому как имел дружок там кузню. Откель Филе знать, что уж давненько Гоха в ней молоточком не постукивал, наняв наемную силу. Хлопцы и себя обрабатывали, и Гохе копейку ссыпали, так что жить можно. И уж, тем паче, Филе в дурном сне не привиделось бы, куда потянуло при новых дэвээровских порядках другана Гоху.

Фартовый таки мужик Филипп Цупко! Никуда Гоха из своего Маккавеево не делся. Японцев и семеновскую палачню пережил. И не где-нибудь — в красных партизанах. И не как-нибудь — на командирской роли! Эван оно как! Чудеса!

Но что Филе вовсе не приглянулось — об чем и дружку, захмелев, высказал, — так это то, что Гоха... в политику подался! Вот, на хрена ему это Народное собрание Дэвээрии, на хрена все это грёбаное депутатство?!

— Темный ты мужик, Филя! — Гоха лихо подкрутил ус на багровом от изрядно выпитой «ханьки» широкоскулом лице. — Масштабы нашего былого промысла — тьфу!

Гоха презрительно сплюнул на пол и ткнул рукой в сторону предполагаемого им юга, где в четырехстах с хвостиком верстах, за выжженными солнцем и продутыми ветрами даурскими степями таилась желтолицая Маньчжурия.

— Нонеча мы развернемся! Ноне у меня связей... У-у-у! И меня не замай! — Гоха мелко затрясся в беззвучном смехе.

Дружка Филю Гоха как бы принял на работу в свою кузню. А чо? По обличью — еще тот кузнец-молодец! Понятно, что для отвода глаз. В кузне удальца видели редко. Филя и раньше до трудовой жизни охотником не был, почему в контрабанду и вдарился, а уж после каторги набивать мозоли и вовсе охота пропала. И кореш Гоха с удовольствием отметил, что Филя настрой на прежнее — к хунхузам за спиртом шастать — сохранил. По новой свел друже Филю с заматеревшим старым знакомцем

Коськой — ныне самым фартовым вожаком «артели» по вывозу спирта из Маньчжурии.

Так дельце по-новому и закрутилось. Навар давало неплохой, не на кузне молотом ухать. Правда, вскоре Филипп за кордон хаживать прекратил, больно заметен да неуклюж. А взялся в темные ночи «бомбить» в шайке багажные вагоны на железной дороге. Попутно подсоблял Коське сбывать разный контрабандный товар, главнейшим из которого оставался, знамо дело, спирт.

Его и ране никто из «артельных», хотя их и прозывали спиртоносами, на горбе в паянных из жести бачках не таскал через границу. Грузили на китайской стороне бочонки со спиртом в товарняк, подмазав китайскую и родную таможду, и ехали эти бочонки до пригородной читинской Антипихи или до соседней с ней Песчанки, а там перегружались под покровом темноты на подводы. Поезд же в Читу, под бдительное око областной таможенной власти, приходил чистым.

Но теперь масштабы, как заковыристо выражался Гоха-депутат, конечно, были куда как обширнее: иной раз цельную теплушку железными бочками со спиртом набивали! И нынешний политический вес корешка Гохи не только в этом ощущался. В апреле восемнадцатого на разъезде Дарасун Филю прищучила железнодорожная охрана на краже одиннадцати мест багажа из поезда № 6, но дней через десяток отбрехался с помощью Гохи. Пронесло.

Подпольный промысел набирал обороты, требовались новые и новые сбытчики. Да и не мелкотня — оптовики солидные, чтобы уж как взял, так взял.

И тогда Гоха вспомнил о купце Бизине. До революции купчина активно участвовал в нелегальной продаже маньчжурского спирта, брал оптом большие партии, платил щедро. Гоха был уверен: деньжата у купчины водятся! Непонятно только, чего он тут, в дэвээрии остался, а не сбежал в Маньчжурию, где жил бы себе! Хотя, откуда-то Гоха слыхивал, что старикан Бизин еще до революции и войны с германцем чего-то там с китаезами не поделил... Может, из-за того и сидит сычом в Чите? Выглядит плюгаво, но нет, не верится Гохе, что революционные вихри настолько растрясали старого делягу... Не может быть, чтобы он не имел интереса в спиртовом промысле!

Увы, с копейкой у бывшего воротилы оказалось и в сам-деле не ахти. Однако быстро смекнувший о своем интересе Бизин многозначительно процедил Гохе, мол, старые связи никуда не делись, а, стало быть, иметь с ним, Бизиным, дело — польза для спиртовозов очевидная.

Розорившийся кунец блефовал. Ныне чаяния и надежды спирт-компания оправдать он никаких возможностей не имел. Свержение самодержавия, приход Советов, а в большей мере полоса скандалов

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

и коммерческих потерь, в которую Бизин попал еще до начала мировой войны, привели некогда могучего купца к краху.

Но Бизин был не так прост, как это представляли его шапочные знакомцы-спиртовозы. Долгая и бурная жизнь выявили в нем качества незаурядного психолога и ловца человеческих душ.

Бизин давно разглядел: Гоха — труслив и жаден, а посему недоверчив и нерешителен, Филя Цупко же — азартен. Неразборчив, хитер, себе на уме, но пристрой его к большому делу, дай жирный кусок, — пойдет до конца. Вот и ныне, прощупав уже не того деревенского увальня, а вчерашнего каторжника, старый пройдоха каким-то шестым чувством понял: с этим субчиком фарт может пойти! И фарт немалый, если под твердую руку молодчика взять...

2

В полуверсте от станции Песчанка, что в десятке верст к востоку от Читы, на пригорке, полого сбегаящем к берегу голубой и спокойной Ингоды, расположился постоялый двор.

Высокий шест с пучком сена наверху, этот привычный знак для проезжающих, издали привлекает внимание путников.

Место удобное — тракт рядом. От него к постоялому двору тянется наезженный отворот. Немало сельчан, маккавеевских, дарасунских, из еще более дальних деревень, Тыргетуя или Доронинска, карымчан или туринцев, в Читу добирающихся по надобностям своим, находят здесь ночлег.

Расклад самый подходящий: есть чем напоить-накормить лошадей, сохранить в целости на ночь поклажу, самим почаевничать да выспаться на полатах в сухости. И все это — за довольно сносную, по деревенскому кошельку, плату. А ранним утречком, отоспавшись, еще по холодку — в город.

Зимой постояльцев прибавляется. По реке, начиная от разбросавшего по крутым склонам сопки свои дворы Дарасуна и на семьдесят верст — до самой Читы, проходит санный путь. Известное дело, куда как выгоднее трактовой дороги — прямее, короче, без выматывающих животину подъемов и спусков через хребты. Лошадям намного легче по саннику двигать, по снежной глади, плотно и добросовестно заглаженной ветром. И как раз с руки получается завернуть в ранних сумерках на песчанскую заезжку для ночлега.

Две добротных больших избы-пятистенки, просторный, всегда чисто выметенный, огороженный высоким дощатым забором двор. В глубине — амбар с окованной железом лиственничной дверью, баня, крытый дражкой бревенчатый сарай, приспособленный под конюшню, под навесом — духмяное сено.

В пятистенке, что попросторнее, оборудованы широкие полаты. На них без тесноты два десятка мужиков расположатся. На скобленном деревянном полу лежат чистые рогожины, в центре — огромная беленая, жаркая печь с постоянно кипящим ведерным медным чайником. Парусиновые занавеси на окнах, сосновый массивный стол с двумя длинными лавками по обе стороны.

Вторая изба немногим поменьше, но там и размещение барское: в отдельных светелках, где на кроватях пружинистые, «немецкие», лежаки, под потолком — подвесные керосиновые лампы в цветастых китайских абажурах, на окнах — белые занавески с узором, приоткрывающие блестящие глиняные горшки с геранью и бальзамином на широких подоконниках. На крашенном суриком полу — круглые вязаные коврики, такой же вязки лоскутные разноцветные дорожки из комнаты в комнату. И кухня отдельная с посудой всякой. В общем, потряси мощной — и барином ночуешь, а ежели в карманах не густо или жмотничаешь, — пожалте на общие полаты!

Принадлежностью постоянный двор числится за Атамановским потребительским обществом, но уже третий год, с девятнадцатого, арендует заежку Анастасия Егоровна Спешилова.

И, надо сказать, управляет сим хлопотным и беспокойным хозяйством в Песчанке куда как умело. В этом ей помогают старшая дочь Екатерина, приятная и чистенькая на вид девица двадцати двух годов, четырнадцатилетний сын Василий, да дальний родственник старик Терентий, узкогрудый, чахоточного вида дедок, восьмидесяти с лишком лет, с благообразным гладким лицом, подпорченным бельмоватым левым глазом.

Сама Анастасия Егоровна, рослая и дородная женщина лет сорока пяти, на мужиков-постояльцев впечатление производит неизгладимое.

Пышногрудая, русококая, с подернутыми голубоватой поволокой темными глазами, взгляд которых, вкупе с легкой улыбкой полных губ и кошачьей походкой, заставляет мужскую душу цепенеть, завораживая прямо-таки животной чувственной силой, — о, только и остается обомлевшему мужичью провожать хозяйку тягучими вздохами и приговором себе: «У-ух! Чертова баба!» А сказать, что красавица писаная — так не скажешь. Баба да и баба, а вот, поди ж ты!

Находились охотники приударить за Анютой, но льющаяся из ее глаз темная страсть отпугивала. Дальше вздохов и взглядов дело не заходило. К тому же баба при мужике.

Соперничать со здоровенным сожителем Анны — Филиппом Цупко, по прозвищу Филя-Кабан, который и в свои пятьдесят три согнуть в бараний рог мог любого, желающих не находилось, хотя и нечасто можно было Филю-Кабана застать на заежке. Но уж больно скверный и задиристый характер у Фили. Ежели к этому крутому нраву прибавить

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

ходившие о сожителе страсть какие жуткие разговоры, то кавалерами Анна похвастаться не могла, да и не хотела. От взглядов, наполненных мужским желанием, ее тошнило.

В двадцать два года взял Анну замуж сосед, Фрол Спешилов, годами ее заметно старше. Другая симпатия была у Анюты, но вдовица-мать у дочери в ногах валялась, плача и уговаривая ее за Фрола пойти. Потому как многим была соседу обязана из-за вдовьей одинокости и бабьей слабосильности: Фрол часто ей по хозяйству помогал — завалившийся забор поднять, дровец да сенца привезти, то да се. Анютой с ним мать и рассчиталась.

...Анна почти шестнадцать лет за Фролом была. Дочку и двух сыночек народила. Достатка не знала, зато пьяный мужнин кулак извела с лихвой. Когда в четырнадцатом, на старость лет, забрали Спешилова на войну с германцами, — наконец-то дух перевела.

Однако, ежели избавилась от чего, так только от побоев и брани пьяной. В избе-то — три рта, пить-есть просят каждый божий день! Вот и горбатилась от зари до зари. Из деревни в город подались, после того, как лошади лишились — загубили конька по неумению. А без Буланки какие хлебопашцы?

В Чите — куда, чего? Из родни обитался здесь только старый Терентий, седьмая вода на киселе. Эх, долюшка! Кое-как пристроилась Анна стирать-убирать в доме богатом. Тут-то вскорости и попутала бесом лукавым нищета непроглядная!

Хозяин — человек коммерческий, все больше в разъездах. Всем хозяйством «мадама» заправляла — аспид чистый! И собралась Анна, вконец уже затырканная, с этой поденщины уходить, никаких сил уже терпеть не осталось.

Но, как и водится, через накопившуюся на хозяйку злобу и обиду соблазн подкрался: подсмотрела Анна, где издевательница радужные ассигнации прячет.

Решилась-таки одну-две — в пухлой пачке незаметно — выудить. Как раз бы ребятне что-нибудь из одежки сделать, а то напрочь уж поизносились... Но только тут-то и случись старшему хозяйскому сынку домой вернуться да в комнату-то и зайти!

О-хо-хо, коршуном налетел!

Откормленный в борова верзила затрепиной сразу же с ног сбил и давай сапогами охаживать — под ребра, в грудь, в лицо... Только поутру Анна очнулась, когда грязной водой отлили и потащили под проклятия хозяйки к околоточному. Оттуда прямиком в кутузку определили, до суда, который ждать себя не замедлил и определил Анне пять лет каторжных работ за воровство.

Старшая Катерина и оглохший после болезни Мишка при старом Терентии остались, а младшего, Василия, отправили в иркутский приют.

Анну — в другую сторону. Этапом на Горный Зерентуй, в угрюмую Мальцевскую женскую тюрьму.

Так и стала с осени пятнадцатого года Анна Спешилова каторжанкой! В тюрьме, при камерном распорядке, дюжить было еще можно. Работы никогда не боялась, а в остальном тюремная администрация линию держала ровную: спрос был строгий, но и порядок был. Когда же через год, за смирение и трудолюбие, перевели Анну в вольную команду... Боженьки-святки!

В поселке нравы — вольный вертеп! «Вольняшки» в команде — гольная пьянь, что мужики, что бабы. А самая страсть — заправили местные, наглые и похотливые морды!

Шастали ночь-заполночь по землянкам, гирьками на железных цепочках поигрывая, хватали баб, что посмазливее. И, никого не смущаясь, тут же и насильничали, заливая жертвам в горло сивушное зелье.

И Анна натерпелась. Мяли, тискали вонючие лапы не раз. Как не понесла от лиходеев... Наверное, Господь ради детей-сирот беду отвел... Но оставшиеся ей четыре года она вряд ли бы протянула среди всего этого. Особенно выдалось жутким Рождество Христово в семнадцатом годе: мало того, что всю ночь попеременно на Анне два пьяных мордovorота елозили, так еще избили до полусмерти.

Выжила, наверное, только потому, что сердце и душа к Богу о спасении зывали. Бессчетные ночи провела Анна в незатейливых молитвах о свободе и детях. И были услышаны ее мольбы, разве что не Богом...

В апреле семнадцатого докатилась до Мальцевской тюрьмы весть о том, что в столицах царя скинули. А потом подоспела и другая новость: всем политическим и многим уголовным амнистия вышла!

Вскорости обняла Анна старших ребятишек, вернулась к прежнему занятию — кому где прибраться, что постирать за кусок хлеба. Главное — Мишаня и Катеринка рядом. В тесноте полуподвальной, но вместе. Вот еще скорее бы Васятку забрать из приюта! Да нет денег покуда таких — до Иркутска добраться. Тут и в подвале-то — на птичьих правах! Бессильно плакала Анна ночами.

Последнюю глупую надежду развеяла весточка из родной деревни: односельчанин Емельян Бянкин, вернувшийся с германского фронта на костыле и с рукой-кульгяпкой, сообщил через баб Анне, что еще в шестнадцатом году супруга ее благоверного, Фрола Спешилова, кайзеровская шрапнель изрешетила насмерть. Так что, почитай, скоро год, как вдовая она, Анна.

А глупая ее бабья надежда как раз на Фрола-то и была. Кулак его не забылся, но все равно надеялась на мужское плечо. Теперь уж яснее ясного — пацанов самой подымать. Катерина, конечно, во всем большая

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

подмога, но девка на выданье, перезрела уж. Подвернется ухажер — и мать не спросит, — порхнет Катька прочь!

Нет счастья — так несчастье помогло. Благо, что чужое.

От лихоманки преставилась знакомая Анны — маленькая и тихая Варварушка, приживалка купца одного, разорившегося от всей этой нынешней смуты. Поговаривали, до революции был этот Бизин богатющим человеком! А судьба, ишь ты, как распорядилась... Скромно и тихо, видать, обитается бывший богач, коли поденщицу призвал к покойнице.

Обмыла-одела Анна Варварушку, утирая слезы, кутью на поминки сготовила...

— Добрая ты, Анюта, душевная, — плакал захмелевший Бизин, оставшись за опустевшим поминочным столом. — В час мой скорбный поддержала-то как... Спасибушко тебе, сердешная...

— Ну что вы, Ляксея Андреич, право слово, как же иначе, ведь надоть было, как водится, по-людски покойницу проводить. Слава тебе, Господи — по-православному, ладно проводили... Царствие ей небесное, Варварушке! — истово перекрестилась Анна.

— Да... Чистая была душа, — просветленно проговорил Бизин, цепким взором окидывая Анну.

Когда она, закончив прибираться во флигеле, где жил Бизин, накинула платок и напоследок скорбно повернулась к хозяину, тот неожиданно, трезво и тщательно разделяя слова, произнес, глядя куда-то в угол, за Анну:

— Ты меня не гнушайся, приходи... Завтра вечерком загляни, почаюем...

3

Да уж, тем вечером почаевничали...

«Ох, стыд-то какой, не по-христиански это, нельзя же так!» — металась душа Анны, когда прямо за столом старый Бизин навалился на нее, стал тискать за полные бедра и груди.

Она знала, что такое будет, когда он почаевничать позвал. Знала. Думала, забыться хочет. Ведь бывает такое от большой сердечной горести. Уж Варварушка-покойница так вокруг него хлопотала!

Уже после, не один день спустя, поняла: нет ее, горести, у Ляксея Андреича. Пакостник и охальник он не по годам своим. И к чужой смерти равнодушен. Без разницы ему все и вся. Вот и Варварушка, да успокоится душа ее в обители небесной! Капнул хрыч старый слезой да и тут же — из сердца вон.

Так и пошло. Когда снова позвал — снова пошла.

Но в приживалки не брал. Лишь каждый раз новый вечерок назначал.

Это была демOVERсия книги - Петров О.Г. Лихое время : роман

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34